

Международный

Аспект

ТОМ 1. ВЫПУСК 1(1)
ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ 2020

International

VOL. 1 NO. 1 (1)
JULY — SEPTEMBER
2020

Aspect

ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ

Противодействие международному
терроризму со стороны Индонезии • 6
Алексей Поваляев

Национализм в режиме
Аугусто Пиночета • 33
Полина Слепухина

Эволюция кубино-алжирских
отношений в 1960-е гг. • 44
Максим Лысенко

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 4 issues per year
Vol. 1, No. 1, 2020

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. 4 выпуска в год
Том 1, Выпуск 1, 2020

MA | Между
народный
аспект

Дорогие друзья!

Факультет МО — старейший бренд дипломатической подготовки и международно-политической экспертизы в нашей части Евразии. Это не только кузница внешнеполитических кадров для более полусотни государств мира, но и авторитетный центр отечественной науки о международных отношениях, альма-матер видных российских учёных — экономистов, политологов, историков, лингвистов.

Факультет международных отношений по праву гордится своими научными школами.

Отрадно, что не только его преподавателей, но и студентов с самых первых дней учебы отличает исследовательский энтузиазм и стремление к развитию «международных отношений» как самостоятельной и важной общественно-научной дисциплины.

Увлечённость историей, политикой, экономикой и «международностью» как таковой (благодаря постоянному погружению в многонациональный и полиязычный контекст), всегда были характерными чертами студентов и выпускников факультета МО.

Сегодня за рубежом и в России сфера международных отношений относится к числу наиболее динамично развивающихся отраслей социальных наук. Ключевой атрибут зрелой науки — институционально оформленное сообщество ученых, важнейшим инструментом консолидации которого служат профессиональные научные журналы, обеспечивающие квалифицированную содержательную коммуникацию как по горизонтали — среди состоявшихся ученых, так и по вертикали — между учеными и начинающими исследователями — студентами.

«Международный аспект» — новый научный журнал, призванный пробудить и поддерживать в нынешнем поколении студентов и аспирантов исследовательский азарт, дать молодым международникам возможность проявить себя в науке, воспитать у них ответственное понимание научной этики и культуры.

Аспект — это взгляд. В соответствии с этой логикой, журнал мыслится как точка сбора научно обоснованных взглядов по актуальным проблемам внешней политики, мировой экономики, истории международных отношений, зарубежного регионоведения.

Наш журнал посвящен международному аспекту политики и экономики во всех их многообразных проявлениях и временных срезах. Безусловным приоритетом редакционной политики нового журнала является соответствие публикуемых статей самым взыскательным требованиям и стандартам глобальной науки о международных отношениях.

Надеюсь, что журналу удастся сформировать вокруг себя сообщество ярких, оригинальных исследователей и стать авторитетной трибуной для академических дискуссий, обмена экспертными позициями и доказательства научных гипотез.

Скидок здесь не будет никому — независимо от возраста и уровня подготовки.

От лица Редакционного совета желаю будущим авторам журнала вдохновения и проницательности в постановке научных проблем, и исследовательской удачи и терпения пройти до конца весь путь от выдвижения оригинальной идеи до построения научной теории, а аудитории — интересного и познавательного чтения.

*Председатель Редакционного совета — проректор МГИМО, кандидат
политических наук, доцент, декан факультета МО*
Андрей Анатольевич Байков

Содержание

международная политика

- Противодействие международному терроризму со стороны Индонезии • 6
Алексей Поваляев

- Роль диаспор России в интеграционном процессе в ЕАЭС • 14
Елена Бурдина

мировая экономика

- Италия и Банковский союз в посткризисный период • 22
Алена Шмалько

история международных отношений

- Национализм в режиме Аугусто Пиночета • 33
Полина Слепухина

- Эволюция кубино-алжирских отношений в 1960-е гг. • 44
Максим Лысенко

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Михаил Кан

Заместитель
главного редактора
Глеб Иванов

Ведущий редактор
раздела «История»
Грант Бегларян

Ведущий редактор
раздела
«Международные
отношения»
Михаил Зверев

Ведущий редактор
раздела «Экономика»
Валерия Контрерас Кооб

Редакторы
Даяна Алагирова
Максим Комаринец
Анастасия Лыкова
Дарина Сибуль
Полина Слепухина
Алексей Степанов

Ответственный
редактор выпуска
Полина Слепухина

РЕДАКЦИОННЫЙ С О В Е Т

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, к.ист.н.

Игорь Иванович
Истомин, к.полит.н.

Для связи с редакцией: intaspect@intaspect.ru

intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

+7 (495) 229-41-78

Contents

international politics

- Indonesia's Countermeasures against
International Terrorism • 6
Alexey Povalyaev

- The Role of Diasporas of Russia
in the EAEU Integration • 14
Elena Burdina

world economy

- Italy and the Banking Union
in the Post-Crisis Period • 22
Alyona Shmalko

history of international relations

- Nationalism in the regime
of Augusto Pinochet • 33
Polina Slepukhina

- The Evolution of
Cuban-Algerian Relations
in the 1960s • 44
Maxim Lysenko

EDITORS

Chief Editor
Mikhail Kan

Deputy Chief Editor
Gleb Ivanov

**Editor of «History»
section**
Grant Beglaryan

**Editor of «International
Relations» section**
Mikhail Zverev

**Editor of «Economics»
section**
Valeria Contreras Koob

Editors
Dayana Alagirova
Maxim Komarinets
Anastasia Lykova
Darina Sibul
Polina Slepukhina
Alexey Stepanov

**Managing Editor
of the issue**
Polina Slepukhina

EDITORIAL BOARD

**Head of the
Editorial Board**
Andrey Baykov, Ph.D. in
Political Science

Irina Bolgova, Ph.D. in
History

Igor Istomin, Ph.D. in
Political Science

Contact the editorial via: intaspect@intaspect.ru

intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454

+7 (495) 229-41-78

Противодействие международному терроризму со стороны Индонезии

Алексей Поваляев
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В данной статье исследуется проблема противодействия исламскому терроризму со стороны Индонезии после теракта 11 сентября 2001 года, сложностей, успехов и перспектив в данной области. Актуальность данной статьи заключается в том, что после поражения ИГИЛ на Ближнем Востоке Юго-Восточная Азия рискует стать главным центром деятельности экстремистов, что в первую очередь коснётся Индонезии как страны с крупнейшей в мире мусульманской общиной (229 миллионов мусульман, тогда как, например, в Саудовской Аравии, хранильнице двух святынь, всего 31,8 миллиона).

Данная статья состоит из двух частей. В первой части рассматриваются проблемы, которые необходимо решить для победы над терроризмом. Среди них: преобладание мусульманского населения и необходимость считаться с его мнением по данному вопросу, недостаточно эффективное сотрудничество между странами АСЕАН, распространённость радикального ислама не только среди низших слоёв общества, но и среди интеллигенции, вопрос о повышении роли армии

в стране и её возможной заинтересованности в терроризме, вопрос о репатриации индонезийских террористов и их семей из-за рубежа, схожесть политических партий и вакуум в определённых частях политического спектра, прежде всего левой его части, что приводит к отсутствию выбора. Вторая часть посвящена международному взаимодействию Индонезии в сфере борьбы с терроризмом. Возможно сотрудничество с США и Россией. Необходима помощь Филиппинам и Мьянме, внутренние конфликты в которых притягивают радикалов из разных стран. Главными же союзниками Индонезии являются её соседи — Таиланд, Сингапур и Малайзия. В последние годы взаимодействие в рамках АСЕАН набирает обороты и стороны всё больше переходят от слов к конкретным действиям, таким как обмен информацией и опытом, совместное патрулирование границ. Главное, от чего зависит успех антитеррористической борьбы — готовность стран АСЕАН к влиянию на внутренние дела друг друга, когда того требуют обстоятельства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Терроризм, ИГИЛ, ислам, Индонезия, Аль-Каида

Indonesia's Countermeasures against International Terrorism

Alexey Povalyaev

MGIMO University

ABSTRACT

This article concerns the problem of Indonesia's counterterrorism measures after the 9/11 terrorist attack; its difficulties, achievements and prospects. This article is relevant owing to the fact that after the defeat of ISIS in the Middle East Southeast Asia risks becoming the main center of terrorist activity. Indonesia as a country with the largest Muslim population (229 million, far more than in, for instance, Saudi Arabia, the keeper of two shrines, with merely 31,8 million Muslims) is likely to be most affected by this fact.

This article consists of two parts. In the first part the main problems, which Indonesia faces, are considered. Among them are the predominance of Muslims whose opinion on this matter cannot be ignored, ineffective cooperation between the ASEAN countries, the support of radical Islam among the most educated citizens, the issue of the increase of the army's role in the state and their involvement in terrorist activity, the issue of repatriation of

terrorists of Indonesian origin and members of their families from other countries, facelessness of the political parties and vacuum in some areas of political spectrum, especially left, which leads to lack of real choice. The second part is devoted Indonesia's international cooperation in terms of counterterrorist activity. Cooperation with the US and Russia is quite possible. There is need to aid the Philippines and Myanmar, which are torn by internal conflicts, which attract radicals from many countries. Indonesia's most promising allies are its neighbours: Thailand, Malaysia and Singapore, which are quite effective in tackling the issue of terrorism. During the last few years the cooperation between the ASEAN countries has been quite flourishing, and the sides are moving from negotiations to real actions, such as sharing information and experience, patrolling borders together. The main point, which will determine the success of ASEAN cooperation is willingness to interfere in internal matters of the members when it is necessary.

KEYWORDS

Terrorism, ISIL, Islam, Indonesia, Al-Qaeda

ПРОБЛЕМЫ ИНДОНЕЗИИ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

После 11 сентября 2001 года, в отличие от соседних Малайзии и Сингапура, которые поддерживали действия США в Афганистане, Индонезия действовала достаточно скромно. Пожалуй, главным сдерживающим фактором для Индонезии является тот факт, что 87% её населения составляют мусульмане, мнение которых необходимо учитывать^[1]. Более того, граждане Индонезии в большинстве своём достаточно лояльно относились к таким террористическим организациям, как Аль-Каида и Джемаа Исламия. После вторжения США в Афганистан в 2001 году среди жителей Индонезии был проведён опрос, по результатам которого 89% респондентов высказались против действий США, посчитав их неправомерными^[2]. Ещё один опрос, проведённый изданием Media Indonesia, показал, что для большинства жителей Индонезии Усама бен Ладен является героем, а не террористом^[3]. Остро стоит проблема поддержки радикального ислама не только среди низших слоёв, но и среди интеллигенции. По данным «Института исламских исследований и мира» только в главных вузах страны в Джакарте, Джокьякарте, Сурабае введение шариата в стране поддерживают 85% студентов и 76% преподавателей, а более 50% студентов придерживаются радикальных исламистских взглядов^[4].

Особенностью современного терроризма в Юго-Восточной Азии является использование различных источников финансирования, что осложняет борьбу

с ним и требует тесной кооперации между странами региона. В Индонезии достаточно сильны традиции исламской благотворительности, такие как закят; при этом нет практически никакого контроля за передвижением этих колоссальных денежных потоков, благодаря чему отмывание денег можно проводить в огромных масштабах. Более того, в 2001 году индонезийское правительство разрешило не уплачивать налог с закята. Аль-Каида внедрила ряд своих агентов в руководство благотворительных организаций, что обеспечивало ей достаточные финансовые ресурсы. Из-за всего этого до 2005 года Индонезия находилась в чёрном списке Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег как центр отмывания денег^[5]. До сих пор действует система хавала, которая в силу своей непрозрачности и быстроты (на перевод требуется всего один-два дня) является идеальным способом для перемещения средств террористами. Средства также могут переводить индонезийские мигранты из-за рубежа. Помимо этого, существенную часть бюджета террористических организаций составляют доходы от преступной деятельности: в случае Индонезии это, как правило, ограбления банков, ювелирных магазинов, кибератаки и хакерская деятельность^[6].

Что касается противодействия терроризму на уровне АСЕАН, то очевидна необходимость существенных изменений. Во-первых, страны АСЕАН слишком долго ратифицируют документы и внедряют меры по противодействию терроризму. Так, на-

[1] World Population Review. Muslim Majority Countries 2020. <https://worldpopulationreview.com/countries/muslim-majority-countries/> (access mode 29.05.2020).

[2] Febrica S. Global War on Terror in Southeast Asia: Indonesia-Singapore and the Securitization of Terrorism. PhD diss., University of Glasgow. 2010. P. 16.

[3] Abuza Z. Militant Islam in Southeast Asia: Crucible of Terror. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 2003. P. 25.

[4] Кутовая Е.А. ООН: проблема борьбы с терроризмом и государства Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2017. №34. С. 103. <https://cyberleninka.ru/article/n/oon-problema-borby-s-terrorizmom-i-gosudarstva-yugo-vostochnoy-azii/viewer> (режим доступа 13.06.2020).

[5] Financial Action Task Force. Annual and Overall Review of Non-Cooperative Countries or Territories. 2005. P. 11.

[6] Рогожина Н.Г. Финансирование терроризма в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2017. №35. С. 72. <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-terrorizma-v-stranah-yugo-vostochnoy-azii/viewer> (режим доступа 06.07.2020).

пример, конвенция АСЕАН о противодействии терроризму была подписана в 2007 году, а ратифицирована всеми членами организации лишь в 2013 году. Во-вторых, не все решения, о которых договариваются страны АСЕАН, вступают в силу или это происходит спустя очень продолжительное время. Так, статья 6 пункт 1 конвенции АСЕАН о противодействии терроризму предусматривает обмен информацией между разведывательными службами, однако обмен данными начался лишь в 2017-2018 гг.^[7] В-третьих, страны АСЕАН уделяют недостаточно внимания безопасности, особенно кибербезопасности, которая так необходима для противодействия вербовке и терактам. В 2015 году в сетях государственных учреждений стран АСЕАН был обнаружен вирус APT30, который оставался там незамеченным в течение почти 10 лет^[8]. Хотя вирус был связан с китайскими хакерами, он демонстрирует, насколько уязвимы страны ЮВА для хакерских атак. В-четвёртых, основополагающим принципом АСЕАН является невмешательство во внутренние дела государств-членов без их прямой просьбы, даже если при этом присутствует угроза собственной безопасности^[9].

25 мая 2018 года, после терактов на Яве и Суматре в начале мая 2018 года, был принят новый антитеррористический закон. Отныне официально закреплено, что ключевой функцией Вооружённых Сил Индонезии является противодействие

терроризму^[10]. Однако в связи с этим встаёт вопрос: не заинтересованы ли сами военные в терактах, чтобы вернуть себе господствующее положение в стране, как это было во времена Сухарто?

Ещё одним аспектом сегодняшней ситуации в Индонезии является вопрос о репатриации террористов. В феврале 2020 года Индонезия подтвердила, что не будет репатриировать лиц, замеченных в террористической деятельности. В то же время, Индонезия отказывается репатриировать не только непосредственно террористов, но и членов их семей, поскольку, как показали теракты в мае 2018 года, женщины и дети также могут воевать на стороне террористов. Однако подобная политика противоречит закону от 2004 года «О защите детей», согласно которому государство должно защищать детей в чрезвычайных ситуациях^[11]. Несмотря на это, правительство Индонезии заявило, что подобные случаи в отношении детей до 10 лет будут рассматриваться в индивидуальном порядке^[12]. Вопрос о гражданстве до сих пор остаётся открытым^[13].

В любом случае, терроризм — это лишь симптом, а не болезнь, и его невозможно победить без повышения благосостояния населения и уверенности граждан в своём государстве. И если с бедностью удаётся бороться (в 2019 году в Индонезии уровень бедности составил лишь 9,4%, что в два раза меньше, чем в 1999 году)^[14], то с политиче-

[7] ASEAN Convention on Counter Terrorism. <https://asean.org/storage/2012/05/ACCT.pdf> (access mode 29.04.2020).

[8] Borelli M. ASEAN Counter-Terrorism Weaknesses. Counter Terrorist Trends and Analyses. P. 20. <https://www.jstor.org/stable/pdf/26351552.pdf?refreqid=excelsior%3A7bf96c0876289dd2203127bf090eb419> (access mode 29.04.2020).

[9] Рогожина Н.Г. АСЕАН – региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2019. №1(42). С. 78. <https://cyberleninka.ru/article/n/asean-regionalnoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-terrorizmom/viewer> (режим доступа 06.07.2020).

[10] Nabbs-Keller, G. Indonesia's anti-terror law: crisis to consensus // The Interpreter. October 25, 2018. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesia-anti-terror-law-crisis-consensus> (access mode 29.04.2020).

[11] Law of the Republic of Indonesia No. 23 of Year 2004 Regarding Elimination of Violence in Household. https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=77116 (access mode 28.05.2020).

[12] Gorbiano, M. Indonesia not repatriating IS fighters to protect nation from 'terrorist virus' // The Jakarta Post. February 11, 2020. <https://www.thejakartapost.com/news/2020/02/11/breaking-indonesia-not-repatriating-is-fighters-to-protect-nation-from-terrorist-virus.html> (access mode 30.04.2020).

[13] Cook, E. What's Behind Indonesia's Refusal to Repatriate Suspected Islamic State Militants? // The Diplomat. February 19, 2020. <https://thediplomat.com/2020/02/whats-behind-indonesias-refusal-to-repatriate-suspected-islamic-state-militants/> (access mode 30.04.2020).

[14] The World Bank. Indonesia Overview. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/overview> (access mode 04.04.2020).

ской сферой проблемы по-прежнему остаются. Существует разрыв между элитами и простым народом, а партии не отличаются друг от друга, а значит нет и реального выбора для избирателей^[15]. После 1999 года количество партий увеличилось, однако количество не переходит в качество, и по большей части партии лишь желают получить политическую ренту, ради чего готовы объединяться в гетерогенные коалиции с любой силой: исламской или неисламской. Две главные партии на политической арене Индонезии — Голкар и PDI-P — несмотря на свою секулярность, продвигают законы на основе шариата, поскольку боятся потерять голоса избирателей^[16]. Также заметен вакуум в левой части политического спектра Индонезии: после массовых репрессий против коммунистов в 1965-1966 гг. в парламенте Индонезии до сих пор отсутствуют социалистические и коммунистические партии, которые, на мой взгляд, могли бы стать отдушиной для недовольных поляризацией общества и бедностью и эффективным противовесом исламистским партиям. Их отсутствие лишь увеличивает число сторонников исламистов, которые также проповедуют идеи равенства и социальной справедливости.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

На сегодняшний день для Индонезии терроризм стал одной из главных проблем. Для борьбы с террористическими организациями, имеющими опорные пункты по всему миру, необходимо взаимодействие

на всех уровнях: двустороннем, региональном и глобальном.

Индонезия в период своего председательства в СБ ООН в 2019-2020 гг. неоднократно высказывалась по вопросам международного терроризма^[17]. В ноябре 2019 года на Бали прошли консультационные встречи по вопросу укрепления сотрудничества и координации СБ ООН между Индонезией, США и Вьетнамом, что позволяет надеяться на конструктивный диалог с США^[18].

Развиваются и отношения с Россией в данной сфере: в рамках органов ООН проходит диалог между Россией и членами АСЕАН, проводятся заседания российско-индонезийской группы по борьбе с терроризмом, в ходе которых стороны зафиксировали общие подходы к борьбе с Исламским Государством. Страны договорились о развитии антитеррористического развития в рамках ООН, АТЭС, АРФ^[19].

Главным вариантом для Индонезии является углубление сотрудничества в рамках АСЕАН. Пожалуй, главными партнёрами в данной области могут быть Малайзия, Сингапур и Таиланд, которые, в отличие от Филиппин, достаточно эффективно борются с терроризмом внутри страны. Среди континентальных стран ЮВА наиболее вероятно сотрудничество со странами, где существует мусульманское меньшинство, прежде всего с Мьянмой, где остро стоит вопрос о мусульманах-рохинджа. Что касается Филиппин, то им необходима помощь, поскольку именно они являются «слабым звеном» среди островных стран ЮВА: де-

[15] Сучков Г.В. Исламский экстремизм в Индонезии на стыке XX и XXI столетий: структура, цели и идеологическая подоплека деятельности «Джемаа Исламия». С. 160. <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-ekstremizm-v-indonezii-na-styke-xx-i-xxi-stoletiy-struktura-tseli-i-ideologicheskaya-podopleka-deyatelnosti-dzhemaa-islamiya/viewer> (режим доступа 11.06.2020).

[16] Lee C. How Different Are Political Parties in Indonesia From One Another? // Jakarta Globe. May 31, 2019. <https://jakartaglobe.id/context/how-different-are-political-parties-in-indonesia-from-one-another> (access mode 07.07.2020).

[17] Islamic State in Iraq and Levant Still Global Threat Boasting Affiliated Networks, Residual Wealth, Top Counter-Terrorism Officials Tell Security Council // United Nations Meetings Coverage and Press Releases. August 27, 2019. <https://www.un.org/press/en/2019/sc13931.doc.htm> (access mode 11.06.2020).

[18] СБ ООН: Индонезия провела консультативные встречи с США и Вьетнамом // REGNUM. 27 ноября, 2019. <https://regnum.ru/news/polit/2791150.html> (режим доступа 11.06.2020).

[19] Кутова Е.А. ООН: проблема борьбы с терроризмом и государства Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2017. №34. С. 113. <https://cyberleninka.ru/article/n/oon-problema-borby-s-terrorizmom-i-gosudarstva-yugo-vostochnoy-azii/viewer> (режим доступа 13.06.2020).

факто война на Минданао привлекает радикалов со всего мира и ставит под угрозу безопасность стран региона, прежде всего соседних Индонезии и Малайзии.

Несмотря на вышеуказанные проблемы, в последние годы страны АСЕАН всё больше проявляют интерес к взаимному сотрудничеству. После захвата боевиками в июне 2017 года г. Марави, который они удерживали целых пять месяцев, что стало первым и пока единственным случаем, когда исламские террористы захватили целый город за пределами Ближнего Востока, власти Филиппин признали свою неспособность противостоять угрозе, и страны АСЕАН, прежде всего Сингапур, предоставили Филиппинам помощь оборудованием и организовали подготовку филиппинских военных для контртеррористических операций. В июне 2017 года в Маниле прошла встреча министров иностранных дел, обороны и внутренних дел, на которой участники выразили согласие взаимодействовать для решения таких проблем, как социальная несправедливость, бедность, торговля наркотиками, которые являются предпосылками для терроризма. Для взаимодействия создаются новые площадки: встреча министров иностранных дел (ADM), министерские встречи по проблеме транснациональной преступности (АММТС), специальная встреча министров стран АСЕАН по проблеме роста радикализма и воинствующего экстремизма (SAMMRRVE). Был принят обновлённый Всеобъемлющий план действий АСЕАН по борьбе с терроризмом^[20].

Помимо обсуждений члены АСЕАН всё больше принимают конкретные меры по борьбе с терроризмом. Летом 2017 года представители Индонезии, Малайзии и Филиппин провели первое совместное патрулирование пограничных морских

территорий, а с октября 2017 года проводится и совместное патрулирование воздушного пространства. На пятой встрече министров обороны стран АСЕАН в октябре 2018 года была достигнута договорённость о укреплении сотрудничества в области обмена опытом, информацией, персоналом. По инициативе Индонезии была запущена программа «Наши глаза», целью которой институционализация обмена разведданными^[21].

Однако, на мой взгляд, главный вопрос, от которого зависит эффективность дальнейшего сотрудничества, заключается в том, готовы ли страны АСЕАН отойти главного принципа организации — принципа невмешательства в дела друг друга, поскольку в условиях глобализации, когда страны находятся в тесной зависимости друг от друга и террористические организации в одной из них способны устраивать теракты в других, подобная «мягкая» модель взаимодействия явно недостаточна. С момента основания организации прошло уже более полувека, и новые вызовы требуют новых подходов. События в Марави показали, в какой опасности находятся страны ЮВА и что порой одна страна не может справиться с этим, и кооперация и взаимопомощь необходимы, чтобы подобного не повторилось.

В целом, несмотря на определённые проблемы внутри страны, которые далеки от решения и без которых невозможна эффективная борьба с терроризмом, Индонезия достаточно продуктивно взаимодействует с другими странами, прежде всего, со странами ЮВА. Интенсифицируются обсуждения, стороны постепенно вырабатывают общие подходы к проблеме и более тесно сотрудничают. За последние несколько лет в Индонезии были арестованы сотни тер-

[20] Рогожина Н.Г. АСЕАН – региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2019. №1(42). С. 79. <https://cyberleninka.ru/article/n/asean-regionalnoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-terrorizmom/viewer> (режим доступа 06.07.2020).

[21] Там же. С. 80.

рористов. После терактов в мае 2018 года в Индонезии не происходило атак схожего масштаба, хотя отдельные акции, осуществляемые преимущественно радикалами-одиночками, по-прежнему периодически случаются.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ASEAN Convention on Counter Terrorism. <https://asean.org/storage/2012/05/ACCT.pdf> (access mode 29.04.2020)
2. The World Bank. Indonesia Overview. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/overview> (access mode 04.05.2020)
3. Рогожина Н. "Радикальный исламизм в Юго-Восточной Азии" // РСМД, 15 января, 2016. <https://russiancouncil.ru/extremism-asean> (режим доступа 28.04.2020)
4. Abuza Z. *Militant Islam in Southeast Asia: Crucible of Terror*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 2003. 322 с.
5. Borelli M. ASEAN Counter-Terrorism Weaknesses. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. №9. 2017. С. 14-20. <https://www.jstor.org/stable/pdf/26351552.pdf?refreqid=excelsior%3A7bf96c0876289dd2203127bf090eb419> (access mode 29.04.2020)
6. Dalpino C. "The War on Terror in Southeast Asia" // Brookings, December 19, 2001. <https://www.brookings.edu/opinions/the-war-on-terror-in-southeast-asia/> (access mode 29.04.2020)
7. Cook E. "What's Behind Indonesia's Refusal to Repatriate Suspected Islamic State Militants?" // *The Diplomat*, February 19, 2020. <https://thediplomat.com/2020/02/whats-behind-indonesias-refusal-to-repatriate-suspected-islamic-state-militants/> (access mode 30.04.2020)
8. Febrica S. "Global War on Terror in Southeast Asia: Indonesia-Singapore and the Securitization of Terrorism." PhD diss., University of Glasgow. 2010. 63 p.
9. Gorbiano M. "Indonesia not repatriating IS fighters to protect nation from 'terrorist virus'" // *The Jakarta Post*, February 11, 2020. <https://www.thejakartapost.com/news/2020/02/11/breaking-indonesia-not-repatriating-is-fighters-to-protect-nation-from-terrorist-virus.html> (access mode 30.04.2020)
10. Hamilton-Hart N. "Terrorism in Southeast Asia: expert analysis, myopia and fantasy" // *The Pacific Review*. №18 2005. <https://doi.org/10.1080/09512740500188845> (access mode 28.04.2020)
11. Mubarak Z. *Fenomena Terorisme di Indonesia: Kajian Aspek Teologi, Ideologi dan Gerakan*. Malang: Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim Malang. 2012. С. 240-254.
12. Nabbs-Keller G. "Indonesia's anti-terror law: crisis to consensus" // *The Interpreter*, October 25, 2018. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesia-anti-terror-law-crisis-consensus> (access mode 29.04.2020)
13. Rucktäschel K. "Tracing Indonesia's Counterterrorism Measures Since the 2002 Bali Bombings" // *The Diplomat*, September 4, 2019. <https://thediplomat.com/2019/09/tracing-indonesias-counterterrorism-measures-since-the-2002-bali-bombings/> (access mode 29.04.2020)
14. Sebastian L. *The ASEAN Response to Terrorism*. UNISCI Discussion Papers. №2. 2003. С. 1-8. <https://www.redalyc.org/pdf/767/76711296010.pdf> (access mode 28.04.2020)

REFERENCES

1. ASEAN Convention on Counter Terrorism. <https://asean.org/storage/2012/05/ACCT.pdf> (access mode 29.04.2020)
2. The World Bank. Indonesia Overview. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/overview> (access mode 04.05.2020)
3. Abuza Z. (2003). *Militant Islam in Southeast Asia: Crucible of Terror*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 322 p.
4. Borelli M. (2017). ASEAN Counter-Terrorism Weaknesses. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. №9. P. 14-20. <https://www.jstor.org/stable/pdf/26351552.pdf?refreqid=excelsior%3A7bf96c0876289dd2203127bf090eb419> (access mode 29.04.2020)
5. Dalpino C. "The War on Terror in Southeast Asia" // Brookings, December 19, 2001. <https://www.brookings.edu/opinions/the-war-on-terror-in-southeast-asia/> (access mode 29.04.2020)
6. Cook E. "What's Behind Indonesia's Refusal to Repatriate Suspected Islamic State Militants?" // *The Diplomat*, February 19, 2020. <https://thediplomat.com/2020/02/whats-behind-indonesias-refusal-to-repatriate-suspected-islamic-state-militants/> (access mode 30.04.2020)
7. Febrica S. (2010). "Global War on Terror in Southeast Asia: Indonesia-Singapore and the Securitization of Terrorism." PhD diss., University of Glasgow. 63 p.
8. Gorbiano M. "Indonesia not repatriating IS fighters to protect nation from 'terrorist virus'" // *The Jakarta Post*, February 11, 2020. <https://www.thejakartapost.com/news/2020/02/11/breaking-indonesia-not-repatriating-is-fighters-to-protect-nation-from-terrorist-virus.html> (access mode 30.04.2020)
9. Hamilton-Hart N. (2005). "Terrorism in Southeast Asia: expert analysis, myopia and fantasy" // *The Pacific Review*. №18. <https://doi.org/10.1080/09512740500188845> (access mode 28.04.2020)
10. Mubarak Z. (2012). *Fenomena Terorisme di Indonesia: Kajian Aspek Teologi, Ideologi dan Gerakan*. Malang: Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim Malang. P. 240-254.
11. Nabbs-Keller G. "Indonesia's anti-terror law: crisis to consensus" // *The Interpreter*, October 25, 2018. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesia-anti-terror-law-crisis-consensus> (access mode 29.04.2020)
12. Rogozhina N. "Islamic Extremism in South-East Asia" // RIAC, January 15, 2016. <https://russiancouncil.ru/en/extremism-asean> (access mode 28.04.2020)
13. Rucktäschel K. "Tracing Indonesia's Counterterrorism Measures Since the 2002 Bali Bombings" // *The Diplomat*, September 4, 2019. <https://thediplomat.com/2019/09/tracing-indonesias-counterterrorism-measures-since-the-2002-bali-bombings/> (access mode 29.04.2020)
14. Sebastian L. (2003). *The ASEAN Response to Terrorism*. UNISCI Discussion Papers. №2. P. 1-8. <https://www.redalyc.org/pdf/767/76711296010.pdf> (access mode 28.04.2020)
4. Borelli M. (2017). ASEAN Counter-Terrorism Weaknesses. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. №9. P. 14-20. <https://www.jstor.org/stable/pdf/26351552.pdf?refreqid=excelsior%3A7bf96c0876289dd2203127bf090eb419> (access mode 29.04.2020)

Роль диаспор России в интеграционном процессе в ЕАЭС

Елена Бурдина
МГИМО

РЕЗЮМЕ

Цель данной статьи – рассмотреть положительное влияние диаспор киргизов, армян, белорусов и казахов в России на интеграцию в рамках Евразийского Экономического Союза. Важность исследования объясняется тем, что ЕАЭС – наиболее динамично развивающаяся интеграционная группировка на постсоветском пространстве, и вклад в его развитие вносят или потенциально могут внести диаспоры, однако им уделяется мало внимания.

Диаспора отличается рядом признаков: сложной этнической идентичностью, происхождением в результате этнической миграции, противостоянием ассимиляции, связями со страной происхождения и пребывания, созданием собственных институтов. Диаспоры могут играть позитивную и деструктивную политическую роль в международных отношениях. При этом в диаспоре можно выделить элиты, которые могут иметь политическое влияние, и прочих членов диаспоры, которые направляют экономические и социальные связи со страной происхождения.

В качестве материала для рассмотрения позитивного вклада диаспор в евразийскую интеграцию были взяты выступления лидеров организаций диаспор, материалы СМИ, интервью дипломатов. Киргизская

диаспора уделяет особое внимание обустройству трудовых мигрантов в России и решению их проблем. Армянская диаспора выступает с инициативами многосторонних форумов и экономического сближения. Белорусская диаспора концентрируется на деятельности Союзного Государства Беларуси и России больше, чем на деятельности ЕАЭС. Казахская диаспора не проявляет инициатив в евразийской интеграции.

В целом, наиболее активно себя проявляют киргизская и армянская диаспоры, что может быть объяснено их заинтересованностью в интеграционных процессах, а в случае с армянской диаспорой – также большим историческим опытом самоорганизации и взаимодействия со странами происхождения и пребывания. Для белорусской диаспоры в силу более длительного времени существования, обширной правовой базы, широкого круга областей интеграции и исторических связей с Россией проект Союзного Государства представляется более важным, чем ЕАЭС. Казахская диаспора менее консолидирована и не стремится влиять на текущие интеграционные процессы. В то же время, власти страны пребывания и стран происхождения используют потенциал диаспор в неполной мере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ЕАЭС, диаспора, интеграция, Армения, Киргизия, Беларусь, Казахстан, Россия

The Role of Diasporas of Russia in the EAEU Integration

Elena Burdina

MGIMO University

ABSTRACT

The article aims at investigating the positive impact of Kyrgyz, Armenian, Belorussian and Kazakh diasporas in Russia on the integration within the EAEU. The importance of the research is justified by the fact that the EAEU is one of the most dynamically developing integration groups in the post-soviet space, and diasporas contribute to its developing, though their influence is not widely studied.

Diaspora is defined by several characteristics: compound ethnic identity, ethnic migration origin, resistance to assimilation, ties with the country of origin and the country of stay, its own institutions. Diasporas can play both positive and destructive role in the international relations. Elites that have political impact and other diaspora members that establish economic and social ties with the country of origin can be distinguished in a diaspora.

Speeches of diasporas' organization leaders, media materials, interviews of diplomats were used as a basis for the investigation into the positive contribution of the diasporas to the Eurasian integration. Kyrgyz diaspora focuses

on the resettlement and problems of labour migrants from Kyrgyzstan. Armenian diaspora encourages multilateral forums and economic rapprochement. Belorussian diaspora seems to be more concerned by the developing of the Union State than the EAEU. Kazakh diaspora does not suggest many initiatives in terms of the Eurasian integration.

In general, Kyrgyz and Armenian diasporas are the most active. It can be explained by their interest in the integration process and in case of Armenian diaspora by its great historic experience of relations with the country of origin and the country of stay. As for Belorussian diaspora, the Union State seems to be more attractive for it than the EAEU owing to longer history, huge legal framework, a wide range of integration spheres and historic ties with Russia. Kazakh diaspora is less consolidated than the others and does not show a lot of interest in the Eurasian integration. The authorities of the countries of origin and the country of stay do not use the power of diasporas in the integration process to the full extent though.

KEYWORDS

EAEU, diaspora, integration, Armenia, Kyrgyzstan, Belarus, Kazakhstan, Russia

Евразийский Экономический Союз является одной из наиболее динамично развивающихся интеграционных группировок на постсоветском пространстве, основные цели которого связаны с развитием национальных экономик, созданием единого рынка товаров, услуг, трудовых ресурсов и капитала и повышением экономической конкурентоспособности^[1]. Как отмечает К.П. Боришполец, для укрепления евразийской интеграции необходима публичная дипломатия (народная, общественная – в данном случае эти термины понимаются синонимично как работа с обществом) и привлечение населения к интеграционному сотрудничеству^[2]. Свою роль в этом также могут играть диаспоры^[3]. Отношение диаспор к ЕАЭС и их участие в евразийской интеграции будут рассмотрены в этой статье.

Понятие диаспоры очень многогранно. В зарубежной литературе в настоящее время существует три основных подхода: категориальный, основанный на определении диаспоры через ее признаки, открытый, действующий через сравнение разных диаспор и акцент на их многообразии, и «парадоксальный», рассматривающий диаспоры как противоречивые по сути явления^[4]. В отечественной литературе преобладает взгляд на диаспоры как на этнические объединения^[5]. В зарубежной литературе схожий подход разделяет Г. Шеффер^[6]. При этом ряд отечественных авторов (А.С. Ким, Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова) отмечает институциональную сущность диаспоры, а также (А.С. Ким, В.А. Тишков) ее транснациональ-

ность, порожденную новым характером миграции и современными системами коммуникаций^[7]. При всем многообразии подходов можно выделить ряд признаков, необходимых для определения понятия «диаспора»: сложная этническая идентичность, основанная на связях как с Родиной, так и со страной пребывания, происхождение в результате этнической миграции, наличие определенного представления (мифа) о Родине, стремление к самоопределению и противостояние полной ассимиляции, взаимодействие с обществом и институтами страны проживания и страны происхождения, создание собственных институтов^[8].

Исходя из возможности диаспоры контактировать со страной своего происхождения, а также стремления влиять на государство проживания, в том числе посредством своих институтов, можно говорить о политической роли диаспор. Они могут выступать как транснациональные акторы, взаимодействуя с государством пребывания, могут быть самостоятельными субъектами (модель Г. Шеффера «родина – диаспора – принимающее государство»)^[9], а могут быть объектом политики страны происхождения. Важно иметь в виду, что диаспоры неоднородны, в них можно выделить элиту, которая осуществляет политическое влияние, и прочих членов диаспоры, которые устанавливают связи со страной происхождения посредством контактов с родственниками, денежных переводов и т.д. В данной статье акцент сделан на политической роли лидеров диаспор.

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) – ст. 4. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 13.05.2020)

[2] Боришполец, К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО-Университета – 2015. – 5(44). С.44.

[3] Там же, с. 47-48.

[4] Лошкарев, И. Д. Роль польской диаспоры в современной мировой политике (на примере США): дисс. канд. политических наук. – М., 2019. – С. 41.

[5] Там же, с. 57.

[6] Там же, с. 43.

[7] Кондратьева, Т.С. К вопросу о понятии «диаспора»: дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы – 2009. – №4. С. 32-38.

[8] Лошкарев, И. Д. Роль польской диаспоры в современной мировой политике (на примере США). С. 65.; Кондратьева, Т.С. К вопросу о понятии «диаспора»: дискуссия в научном сообществе. С. 35.

[9] Лошкарев, И. Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО-университета – 2015. – 2(41). С. 130.

Влияние диаспоры в международных отношениях может быть позитивным и деструктивным. Цель данной статьи — выяснить, как диаспоры относятся к евразийской интеграции, какой позитивный вклад они делают. Для этого необходимо посмотреть, какие организации используют диаспоры, как взаимодействуют с государством происхождения и с государством пребывания.

КИРГИЗСКАЯ ДИАСПОРА

Численность киргизов в России, согласно всероссийской переписи населения 2010 г., составляет 103 402 человека. При этом, по данным выборочного наблюдения за трудом мигрантов, проведенного в 2019 г. (Росстат), 205 300 киргизских мигрантов обычно проживает на территории России^[10]. Большинство из них приехало на постоянное место жительства. Одна из основных задач диаспоры, таким образом, — позаботиться об обустройстве этих людей. Киргизская диаспора представлена более чем 50 организациями разного уровня, одни из самых крупных — Межрегиональная общественная организация «Киргизское единение — Кыргыз Биримдиги», созданная в 2002 году, и Общероссийская Общественная Организация «Кыргызский Конгресс», основанная в 2012 г.

ООО «Кыргызский конгресс» занимается вопросами обустройства мигрантов из Киргизии, которые стали особенно активно прибывать в Россию в результате создания ЕАЭС. Так, на форуме-открытии «Года языков коренных народов», который прошел 21-22 марта 2019 г., президент этой организации К. Кожоев выступил с речью, акцентируя

внимание на том, как снизившийся уровень владения русским языком в Кыргызстане и среди кыргызских мигрантов препятствует доступу на рынок труда, мешает адаптации семей мигрантов и может привести к росту преступной деятельности, а также затрудняет использование возможностей в рамках ЕАЭС^[11]. К. Кожоев предложил варианты решения проблемы, которые могут способствовать укреплению связей между Россией и Киргизией. Важно также отметить, что в рамках «Кыргызского Конгресса» создан Центр занятости мигрантов, который оказывает поддержку работодателям для привлечения рабочей силы из Киргизии^[12].

Что касается деятельности МОО «Киргизское единение — Кыргыз Биримдиги», то 27 сентября 2019 г. эта организация провела форум «Киргизское единение: вчера, сегодня, завтра» при участии Общественной палаты РФ, Чрезвычайного и Полномочного Посла Киргизии в РФ, представителей органов исполнительной власти и др. Помимо прочего, на мероприятии обсуждались «...укрепление мира, дружбы и межнационального взаимопонимания, улучшение межнациональных отношений Российской Федерации и Кыргызской Республики во взаимосвязи с ... интеграционными процессами между странами участницами ЕАЭС» и роль киргизской диаспоры в России в этих процессах^[13].

МИД Киргизии в работе с диаспорой тоже делает акцент на помощи мигрантам с трудоустройством и освоением в России: как отмечает Чрезвычайный и Полномочный Посол КР в России, после вступления в ЕАЭС мигрантам стало проще легализовать свой труд в РФ, но ряд проблем до сих пор остается^[14].

[10] Выборочное наблюдение труда мигрантов. Тбл. 1.2. [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения 12.05.2020)

[11] Речь президента ОКК К. Кожоева «Без языка» (Ханты-Мансийск, 21.03.2019) [Электронный ресурс] URL: <https://kyrgyzy.com/news/events/19-04-13-id333.html> (дата обращения 28.05.2020)

[12] Программы ОКК [Электронный ресурс] URL: <https://kyrgyzy.com/program/soczialnaya-sfera/czentr-zanyatosti-kyrgyzstanczev-v-rossii.html> (дата обращения 28.05.2020)

[13] О культурном форуме «МОО «Киргизское единение: вчера, сегодня, завтра» [Электронный ресурс] URL: <http://www.xn--jlagjv.xn--p1ai/activities/news/odnoy-iz-glavnykh-tem-foruma-moo-kirgizskoe-edinenie-vchera-segodnya-zavtra-stala-tema-vyyavleniya-r/> (дата обращения 22.07.2020)

[14] Интервью ЧПП КР в РФ Б.Отунбаева «Радио Sputnik» 09.06.2017 [Электронный ресурс] URL: <https://mfa.gov.kg/ru/dm/posolstvo-kyrgyzskoy-respubliki-v-rossiyskoy-federacii/news/422> (дата обращения 22.07.2020)

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА

Армянская диаспора из всех четырех — самая древняя и многочисленная. В России, по данным всероссийской переписи населения 2010 г., проживает 1 182 388 армян^[15], по данным МИД Армении, сейчас численность диаспоры более 2,5 млн человек^[16]. Крупнейшая организация, представляющая их интересы, — Общероссийская Общественная Организация «Союз армян России», которая объединяет 85 региональных отделений. Она была основана в 2000 году. По словам руководителя Московского отделения САР Ш.Т. Петросяна, в контексте активизации процессов в ЕАЭС «САР занимается более глобальными вопросами морального, социального единства и не ставит целью заниматься непосредственно предпринимательской деятельностью»^[17]. Однако Союз Армян России стал инициатором проведения Международных Форумов Евразийского Партнерства, первый из которых состоялся 13-16 октября 2016 г. в Ереване^[18]. Форумы направлены на повышение осведомленности о потенциале ЕАЭС, развитие инвестиционных возможностей и связей между бизнес-сообществами и т.д.

Эксперты армянского происхождения высоко оценивают потенциал и связующую роль армянской диаспоры в контексте евразийской интеграции. Например, Ю. Навоян, председатель общественной организации Диалог, направленной на развитие армяно-российских отношений, отмечает, что из-за наличия обширной диаспоры Армения

не может позволить себе изолироваться и может стать «дополнительной площадкой для диалога членов Евразийского экономического союза с остальным миром»^[19]. В качестве конкретных мер по развитию евразийской интеграции он предлагал провести многосторонние бизнес-форумы с представительством регионов государств-членов ЕАЭС. По его словам, «имеется заинтересованная дополнительная сила, в лице армянских общин в регионах этих стран»^[20]. Впрочем, подобные многосторонние межрегиональные форумы еще предстоит организовать.

При этом странами пребывания и происхождения силы диаспоры в евразийской интеграции используются слабо. Между Россией и Арменией вопрос положения и деятельности диаспор обсуждается скорее в рамках двусторонних отношений.

БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА

По данным всероссийской переписи населения за 2010 г., в России проживает 521 443 белорусов^[21]. Самая крупная диаспоральная организация «Федеральная Национально-Культурная Автономия Белорусов России» была создана в 1999 г.

Внимание и действия этой организации больше направлены на развитие и поддержку Союзного государства. На сайте ФНКА^[22] Белорусов России слово «ЕАЭС» по поиску обнаруживается 14 раз, а «Союзное государство» — 193 раза. Большая часть новостей посвящена мероприятиям именно в рамках Союзного государства Белоруссии и России.

[15] Итоги ВПН-2010. Том 4.1. Национальный состав населения [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 13.05.2020)

[16] Двусторонние отношения. Россия [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ru> (дата обращения 21.07.2020)

[17] Интервью Ш.Т. Петросяна (10.10.2016) [Электронный ресурс] URL: https://sarinfo.org/news/novosti-sar/novosti-sar_3915.html (дата обращения 28.05.2020)

[18] Анонс мероприятия [Электронный ресурс] URL: https://sarinfo.org/news/msg/obyavleniya_696.html (дата обращения 28.05.2020)

[19] Армения на пути сближения с Россией. 23 марта 2015. [Электронный ресурс] URL https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/armeniya-na-puti-sblizheniya-s-rossiey/?sphrase_id=43575840 (дата обращения 21.07.2020)

[20] Юрий Навоян выступил на парламентских слушаниях по Евразийской интеграции в Армении. 27.06.2019. [Электронный ресурс] URL https://www.dialogorg.ru/events/yuriy_navoyan_vystupil_na_parlamentskikh_slushaniyakh_po_evraziyskoy_integratsii_v_armenii/ (дата обращения 21.07.2020)

[21] Итоги ВПН-2010. Том 4.1. Национальный состав населения [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

[22] Сайт ФНКА Белорусов России [Электронный ресурс] URL: <https://belros.org/> (дата обращения 28.05.2020)

Лидер ФНКА Белорусов России, С.Л. Кандыбович, отмечает, что Союзное государство, как проект, основанный на цивилизационном единстве России и Беларуси, является примером для других интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в том числе ЕАЭС^[23].

КАЗАХСКАЯ ДИАСПОРА

Численность казахской диаспоры составляет 647 732 человека^[24], но по сравнению с другими рассматриваемыми здесь диаспорами она менее консолидирована. Союз некоммерческих организаций по сохранению и развитию казахской этнокультуры, который объединяет региональные организации казахов в России, был создан в 2017 г., достаточно поздно относительно общероссийских организаций других диаспор, и пока не ведет масштабной деятельности.

Разница в отношении диаспор к евразийской интеграции проявляется в освещении деятельности ЕАЭС в интернете, что можно посмотреть на примере публикаций на сайте facebook.com. На странице МОО «Киргизское единение — Кыргыз Биримдиги»^[25] (891 подписчик, создана 15.08.2015) слово «ЕАЭС» упоминается 11 раз — большинство публикаций приходится на 2016 г, а на странице ООО «Кыргызский конгресс»^[26] (795 подписчиков, создана 2.12.2012) — 9 раз, больше всего записей опубликовано в 2019 г. В основном это анонсы или отчеты о проведенных мероприятиях, заметки о принятых в рамках ЕАЭС решениях, касающихся положения мигрантов из Киргизии. На странице ООО «Союз Армян России»^[27] (24 121 подписчик,

создана 15.03.2019) слово «ЕАЭС» встречается в 12 публикациях (6 в 2019 и 6 в 2020) — это интервью с деятелями диаспоры, отчеты о мероприятиях и др. На странице ФНКА Белорусов России^[28] (128 подписчиков, создана 25.08.2015) слово «ЕАЭС» встречается 5 раз в публикациях интервью, новостных заметках, большинство записей сделано в 2016 г. У Союза некоммерческих организаций по сохранению и развитию казахской этнокультуры нет сайта и страницы на facebook.com.

В целом, на всех указанных страницах публикации о ЕАЭС написаны в нейтральном или положительном тоне. Видно, что больше всего записей сделано на странице САР при том, что ее аккаунт был создан позже, чем у других диаспоральных организаций. Вторыми по количеству публикаций являются представители киргизской диаспоры, у ФНКА Белорусов России записей меньше всего. САР также публикует больше «свежих» новостей, чем другие объединения диаспор.

Таким образом, наиболее заинтересованные организации, которые стремятся развивать взаимодействие между Россией и своей этнической родиной в рамках ЕАЭС, — это представители диаспор киргизов и армян. Для диаспоры белорусов важнее Союзное Государство, но и активность этой диаспоры ниже по сравнению с первыми двумя. Казахская диаспора практически не работает в направлении евразийской интеграции. Объяснить это можно рядом причин. По данным Евразийской Экономической Комиссии, из Киргизии в рамках ЕАЭС в Россию приезжает больше трудовых мигрантов, чем из

[23] Кандыбович, С. Л. Цивилизационное единство стран — основа обеспечения национальной безопасности России в рамках Союзного государства как части Евразийского экономического союза // Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития — 2014. — С. 96.

[24] Итоги ВПН-2010. Том 4.1. Национальный состав населения [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

[25] URL: <https://www.facebook.com/kyrgyzbirimdigi/> (дата обращения 17.08.2020)

[26] URL: <https://www.facebook.com/kyrgyzcom/> (дата обращения 17.08.2020)

[27] URL: <https://www.facebook.com/souzarmyanrossii/> (дата обращения 17.08.2020)

[28] URL: <https://www.facebook.com/fnkabr> (дата обращения 17.08.2020)

других стран-участниц Союза^[29], и их необходимо устроить. Сама Киргизия очень заинтересована как в развитии ЕАЭС, так и в хорошем положении этих мигрантов в РФ, так как это – огромный вклад в экономику страны, около 30% ВВП приходится на трансграничные денежные переводы^[30]. Эти обстоятельства стимулируют диаспору поддерживать евразийскую интеграцию. Что касается армянской диаспоры, то, во-первых, она имеет глубокие исторические корни и богатый опыт самоорганизации и взаимодействия со странами происхождения и пребывания, поэтому среди других рассматриваемых диаспор ее элита проявляет себя наиболее активно, а во-вторых, Армения, как и Киргизия, является весомым донором мигрантов и получает крупные выгоды от членства в ЕАЭС, что обуславливает включение диаспоры в продвижение евразийской интеграции. Белорусская диаспора, в свою очередь, больше поддерживает развитие Союзного государства, как давно существующего проекта с большим, чем в ЕАЭС, кругом сфер интеграции и обширной правовой базой. По всей видимости, для белорусской диаспоры Союзное Государство России и Беларуси, в том числе из-за исторической близости двух стран, представляется ядром интеграции на евразийском пространстве и образцом для процессов сближения. Наконец, казахская диаспора, во-первых, не имеет крупного общероссийского объединения, которое бы представляло интере-

сы региональных организаций, и поэтому не может выступать с весомыми инициативами, во-вторых, вероятно, не испытывает серьезных потребностей в поддержке евразийской интеграции. По сравнению с другими государствами-членами ЕАЭС, из Казахстана в Россию приезжает меньше всего трудовых мигрантов^[31], а значит, диаспора пополняется незначительно и не стремится повлиять на текущие процессы.

При этом те из указанных диаспор, что проявляют себя наиболее активно, действуют скорее самостоятельно, пытаются установить связи с институтами страны пребывания и страны происхождения, как в концепции Г. Шеффера. В свою очередь, сами государства-члены ЕАЭС не используют потенциал диаспор в евразийской интеграции в полной мере. Сотрудничество Евразийской Экономической Комиссии с диаспоральными организациями тоже пока не очень развито: их лидеры участвуют в некоторых мероприятиях, но не представлены в консультативных органах ЕЭК.

Итак, четыре рассматриваемые диаспоры проявляют разную степень заинтересованности и активности в развитии интеграции, что обусловлено как разными выгодами от этих процессов для каждой из диаспор, так и различным уровнем их консолидации, а государства-члены ЕАЭС пока недостаточно привлекают потенциал диаспор для укрепления интеграции, что несколько ослабляет их роль в евразийском процессе.

[29] Статистика Евразийской Экономической Комиссии [Электронный документ] URL: <https://bit.ly/2YERECW>

[30] Кыргызстан: результаты трехлетнего участия в ЕАЭС [Электронный ресурс] URL: <http://eurasian-studies.org/archives/8848> (дата обращения 22.07.2020)

[31] Статистика Евразийской Экономической Комиссии [Электронный документ] URL: <https://bit.ly/2YERECW>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боришполец, К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО-Университета – 2015. - 5(44). С. 42-55.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 13.05.2020)
3. Кандыбович, С. Л. Цивилизационное единство стран – основа обеспечения национальной безопасности России в рамках Союзного государства как части Евразийского экономического союза // Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития – 2014. – С. 88-97.
4. Кондратьева, Т.С. К вопросу о понятии «диаспора»: дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы – 2009. - №4. С. 17-43.
5. Лошкарев, И. Д. Роль польской диаспоры в современной мировой политике (на примере США): дисс. канд. политических наук. – М., 2019.
6. Лошкарев, И. Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО-университета – 2015. – 2(41). С. 127-133.

REFERENCES

1. Borishpolets, K. S. Public Diplomacy in EEU Region: Understanding the Phenomenon and Its Development / MGIMO Review of International Relations. 2015. №5(44). P. 42-55.
2. The Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana 29/05/2014 (ver. 15/03/2018) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed 13.05.2020)
3. Kandybovich, S. L. Civilization Unity of the Countries Is the Basis of Russian National Security in Terms of the Union State as a Part of the EAEU / Russian Patriotism: the Basis and the Priorities of Development. 2014. P. 88-97.
4. Kondratyeva, T. S. Interpreting The Concept «Diaspora»: Discussions In The Expert Community / Actual Problems of Europe. 2009. № 4. P. 17-43.
5. Loshkariov, I.D. The Role of Polish Diaspora in Modern Global Politics (at the example of the USA). PhD Dissertation. 2019.
6. Loshkariov, I.D. The Role of Diasporas in the Current World Politics / MGIMO Review of International Relations. 2015. №2(41). P. 127-133.

Италия и Банковский союз в посткризисный период

Алена Шмалько
МГИМО

РЕЗЮМЕ

Сохраняя приверженность интеграционным процессам в Европе с самого их зарождения, Италия остаётся одной из ключевых участниц институтов Европейского Союза. Однако в последние десятилетия на национальном и наднациональном уровнях все острее встает традиционная для страны проблема нестабильности финансового сектора, коллапс которого может быстро распространиться на остальные страны еврозоны. В этой связи предотвращение краха итальянских банков становится приоритетом для всех участниц еврозоны. Цель статьи заключается в анализе успешности применения общих для еврозоны правил урегулирования банковских кризисов, введенных в рамках Банковского союза, на примере Италии. Акцент делается на исследовании особенностей применения итальянским руководством нового принципа урегулирования проблем банковской ликвидности — *bail-in*. Данный механизм призван минимизировать рекапитализации банков со стороны государства как меру преодоления последствий финансовых кризисов, а следовательно, переложить бремя ответственности за «спасение» банков с налогоплательщиков на финансовый сектор. В статье анализируется, как итальянское правительство, начиная

с 2016 г., продолжает оказывать поддержку национальным банкам за счет средств бюджета, пользуясь неоднозначностью формулировок в правилах Банковского Союза. Автор ставит задачи изучения механизма *bail-in*, выяснения причин допущения оговорок для итальянской стороны в его применении и последствий таких решений. Уделяется внимание влиянию прецедента на другие страны еврозоны, которые также могут начать действовать в обход установленных процедур. Подчеркивается, что текущая мировая ситуация с пандемией коронавируса вновь поставила под угрозу банковский сектор стран еврозоны и, в частности, Италии, и теперь те антикризисные меры, которые будут приниматься на национальном и наднациональном уровнях, могут стать решающими в определении будущего ЕС как интеграционной группировки. В качестве вывода автор предлагает один из возможных вариантов решения проблемы — модификация правил Банковского союза за счет более четкого и однозначного формулирования ключевых понятий в банковском законодательстве стран ЕС, что позволило бы устранить препятствия на пути дальнейшего интеграционного процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Европейская интеграция, финансовая интеграция, Еврозона, Италия, банковская система, Банковский союз

Italy and the Banking Union in the Post-Crisis Period

Alyona Shmalko

MGIMO University

ABSTRACT

Adhering to the integration processes in Europe from their very beginning, Italy remains one of the EU key participants. In recent decades, however, the country's traditional problem of financial instability has become increasingly acute, taking into account that its collapse can quickly spread to the rest of the eurozone. In this regard, preventing Italian banks' crises becomes a priority for all eurozone members. The purpose of the article is to analyze the effectiveness of the general rules for resolving banking crises in the eurozone introduced by the Banking Union, using the Italian case. The emphasis is put on the peculiarities of Italy's application of the new principle of bank liquidity problems settlement - bail-in. This mechanism was originally designed to minimize the state recapitalization of banks as a measure of smoothing financial crises' consequences, and, therefore, shift the burden of responsibility for "saving" banks from taxpayers to the

financial sector. The article analyzes how the Italian government has continued to provide support to national banks at the expense of the budget since 2016, taking advantage of the ambiguity of the Banking Union rules. The impact of such precedent on other Eurozone countries is underlined, as they may also act in circumvention of the established procedures. The author states that the current global situation with the coronavirus pandemic has once again put the banking sector of the eurozone countries and, in particular, Italy, in a critical situation. Now the anti-crisis measures taken at both national and supranational levels can become decisive in determining the future of the EU as an interstate association. As a conclusion, the author suggests one of the solutions to the problem - modification of the Banking Union rules through a clearer and unambiguous formulation of key concepts in its legal framework, which would remove obstacles to the further integration process.

KEYWORDS

European integration, financial integration, eurozone, Italy, banking system, Banking Union

Италия — важное звено в системе европейской валютно-финансовой интеграции, третья по размеру экономика Евросоюза. Тесная связь европейских финансовых систем означает, что потенциальный кризис итальянского банковского сектора может быстро распространиться на другие финансовые институты еврозоны, а размеры экономики спровоцируют соответствующий масштаб кризиса. Данный факт объясняет особое внимание, прикованное в руководстве ЕС, научной литературе и СМИ к состоянию итальянской банковской системы.

Задача недопущения системных коллапсов еврозоны была актуализирована финансовым кризисом 2008 г. На национальном уровне в период с 2008 по 2013 гг. центральным методом урегулирования проблем ликвидности банков выступала рекапитализация из бюджетных средств (по данным на конец 2017 г., общая сумма составила 855 млрд евро^[1]), то есть вхождение государства в капитал банка вплоть до национализации (англ. *bailouts*). Она являлась неизбежной мерой политики национальных правительств: позволить системообразующим институтам обанкротиться означало подвергнуть риску всю финансовую систему. Однако такие методы не могли не вызывать критику со стороны населения европейских государств — налогоплательщики несли главное бремя по устранению последствий банковских кризисов. На наднациональном уровне общий механизм своевременного предупреждения системного риска к тому моменту отсутствовал. Отметим, что *системный риск* в данном случае, по классификации форм риска

российского экономиста М.А. Щепелевой, понимается как «риск заражения» финансового сектора, для предотвращения которого необходимо установление единым регулирующим органом правил по выполнению банками своих обязательств^[2]. Данным органом с 2011 г. стала Европейская служба банковского надзора (European Banking Authority, ЕВА), проводящая стресс-тесты европейских системообразующих финансовых институтов по схеме «сверху-вниз»^[3]. При этом используемые ЕВА индикаторы достаточности капитала основаны на критериях, установленных в декабре 2009 г. международным соглашением Basel III^[4].

Тем не менее, такие стресс-тесты, по определению, помогают лишь спроектировать последствия потенциального кризиса^[5], а не исключить возможность его появления. В связи с этим к июню 2012 г. европейскими властями был разработан проект Банковского союза, ставший комплексным ответом на затянувшиеся долговой и финансовый кризисы в Европе^[6]. Цель БС — вовремя предотвращать банковские кризисы, не перекладывая необходимость «спасать» проблемные банки с финансового сектора на государство, а следовательно, на налогоплательщиков. Первоначальный проект включал три элемента: Единый надзорный механизм, Единый механизм санации и Общее страхование вкладов^[7].

Ключевое значение для данной статьи представляет Единый механизм санации, действующий с января 2016 г. и занимающийся оперативным урегулированием проблем ликвидности банков^[8]. Как только решение о необходимости санации вы-

[1] European Commission. State Aid Scoreboard 2019. URL: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/scoreboard/index_en.html (accessed 1 May 2020)

[2] Щепелева М. А. Подходы к оценке риска финансового сектора // Вестник МГИМО Университета. – 2014. С 118.

[3] Щепелева М. А. Подходы к оценке риска финансового сектора // Вестник МГИМО Университета. – 2014. С 120.

[4] EBA Basel monitoring exercise. URL: <https://eba.europa.eu/eba-publishes-results-of-the-basel-iii-monitoring-exercise-as-of-31-december-2014> (accessed 1 May)

[5] Щепелева М. А. Подходы к оценке риска финансового сектора // Вестник МГИМО Университета. – 2014. С 120.

[6] European Commission. Press release. 28 March 2014. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/hu/MEMO_14_244 (accessed 1 May 2020)

[7] Ibid.

[8] European Council. Single Resolution Mechanism. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/banking-union/single-resolution-mechanism/> (accessed 1 May 2020)

несено, к нему применяется процедура *bail-in*. Именно этот принцип стал революционным в контексте урегулирования банковских кризисов стран Европы. *Bail-in*, в противовес широко применявшемуся *bail-out*, призван переложить ответственность за банкротство банков на их акционеров и кредиторов и сопряжен с требованиями и целями вышеупомянутого Basel III. Его суть заключается в списывании банковских обязательств по принципу каскадной ответственности: владельцы акций — держатели младших, затем старших облигаций — крупные вкладчики. Важно отметить, что схема вводилась как на национальном^[9], так и на

наднациональном уровнях^[10]. При этом размер минимального *bail-in* был определен в 8%^[11] как обязательное условие для последующего использования средств национальных бюджетов или общих средств стран еврозоны.

Определять, является ли банк *финансово состоятельным* (англ. *solvent*) или *банкротом или на грани банкротства* (*failing or likely to fail*) — прерогатива ЕЦБ. Аналогичную оценку по отношению к обычным коммерческим банкам проводят национальные Центробанки и другие уполномоченные организации. Схема оценки состояния банков представлена в таблице 1.

Таблица 1

СХЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕДИНОГО МЕХАНИЗМА САНАЦИИ

Источник: *European Council. Single Resolution Mechanism.*

URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/banking-union/single-resolution-mechanism/> (accessed 1 May 2020)

[9] OJC. Communication from the Commission (Banking Communication)//Official Journal of the European Union. – 2013.

[10] European Parliament and the Council of the European Union. Directive 2014/59/EU //Official Journal of the European Union. – 2014.

[11] European Commission. Press release. 28 March 2014. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/hu/MEMO_14_244 (accessed 1 May 2020)

Таким образом, новый принцип допускает использование средств налогоплательщиков только после списания банковских обязательств перед акционерами и кредиторами, что позволяет назвать его более социально справедливым. БС важно рассматривать и как достижение на пути интеграции европейских стран, ведь задуманные механизмы призваны усилить координацию в рамках ЭВС. Успешность этого проекта анализируется в ряде работ российских авторов, в частности, В. Я. Пищика, который оценивает его как «важнейший антикризисный институт», имеющий широкие стратегические перспективы^[12].

Первый пример реализации принципа *bail-in* на наднациональном уровне — санация испанского банка Banco Parolar в июне 2017 г.^[13]. Находящийся на грани банкротства институт был подвергнут процедуре *bail-in* на сумму 3,3 млрд евро, при этом средства национального бюджета использованы не были^[14]. Успешное урегулирование проблемы стало подтверждением применимости правил БС. И здесь следует перейти к итальянскому кейсу, который с самого начала продемонстрировал обратное.

Общая сумма средств, выделенных итальянским правительством на рекапитализацию банков в период 2008-2013 гг., составила 22 млрд евро^[15] — в 5 раз меньше, чем, например, в Германии. Следовательно, нельзя сказать, что на данном этапе итальянское руководство активно прибегало к механизму *bail-out*, хотя тогда его применение формально не ограничива-

лось. Важно понимать, что после введения в 2013 г. принципа *bail-in* на национальном уровне итальянские банки не пользовались никакими особыми правами. Данной процедуре были подвергнуты 4 финансовых института: Banca Popolare dell'Etruria e del Lazio, CariChieti, Cassa di Risparmio di Ferrara и Banca Marche^[16]. Однако реакция акционеров и кредиторов не заставила себя ждать. Проблема применения *bail-in* для итальянского банковского сектора заключалась в том, что значительная в сравнении с другими странами ЕС часть облигаций (ок. 30%) находилась в руках домохозяйств^[17], не обладающих достаточной информацией о рисках своих вложений. Громким делом, циркулирующим в СМИ, стало самоубийство пенсионера, который потерял все сбережения, вложенные в Banca dell'Etruria^[18]. В итальянском обществе назревали дебаты по поводу справедливости новых общеевропейских правил.

К 2016 году самым «проблемным» итальянским банком был Monte dei Paschi di Siena (MPS), который входит в пятерку крупнейших и попадает в категорию системообразующих финансовых институтов^[19]. В стресс-тестах ЕВА 2014 г. и 2016 г. он оказался на последних позициях по потенциалу преодоления кризисного сценария, став единственным в 2016 г. европейским банком с отрицательным коэффициентом капитала (табл. 2). Правительства во главе с демократом М. Ренци, а затем сменившим его П. Джентилони продвигали идею выделить 20 млрд евро из бюджетных средств на

[12] Пищик В. Я. Институциональные механизмы регулирования внешних дисбалансов в европейском Экономическом и валютном союзе // Экономика. Налоги. Право. – 2018. С. 139-140.

[13] European Commission. Press release. 7 June 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1556 (accessed 1 May 2020)

[14] Ibid.

[15] European Commission. State Aid Scoreboard 2019. URL: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/scoreboard/index_en.html (accessed 1 May 2020)

[16] Commission decision of 22.11.2015 on the State Aid. URL https://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/261428/261428_1951636_241_2.pdf (accessed 1 May 2020)

[17] Coletta M., Santioni R. Le Obbligazioni Bancarie Nel Portafoglio Delle Famiglie Italiane // Bank of Italy Occasional Paper. – 2016. – P.6.

[18] Il pensionato suicida // Corriere della sera. URL: https://roma.corriere.it/notizie/cronaca/15_dicembre_11/pensionato-suicida-racconto-moglie-tardi-lei-ha-firmato-5394d51c-9fd6-11e5-9e42-3aa7b5e47d96.shtml (accessed 4 May 2020)

[19] European parliament. Briefing. July 2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/587392/IPOL_BRI\(2017\)587392_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/587392/IPOL_BRI(2017)587392_EN.pdf) (accessed 2 May 2020)

«спасение» MPS, который был оценен ЕЦБ как *финансово состоятельный*. Пакет антикризисных мер был одобрен Еврокомиссией в июле 2017 года и состоял в следующем^[20]: применение минимального *bail-in* в 8% и выделение 5,4 млрд евро из бюджета. Бюджетные средства были сочтены необходимыми для проведения именно *превентивной рекапитализации*.

Второе громкое «спасение» со стороны итальянского правительства коснулось двух небольших коммерческих банков региона Венето: Banca Popolare di Vicenza и Veneto Banca. Отличие от случая с MPS заключалось в том, что ЕЦБ оценил эти два банка как относящиеся к категории *банкрот или на грани банкротства*, что не позволило использовать оговорку о *превентивной*

Таблица 2

КОЭФФИЦИЕНТЫ КАПИТАЛА УРОВНЯ 1 (CET1 RATIO) ТРЁХ
ЕВРОПЕЙСКИХ БАНКОВ ПРИ КРИЗИСНОМ СЦЕНАРИИ НА 2 ГОДА

Год стресс-теста \ Банк	MPS (Италия)	Commerzbank AG (Германия)	Banco Popolar (Испания)
2014	-3,5%	6,9%	6,4%
2016	-2,44%	7,42%	6,62%

Примечание. По требованиям Basel III, CET1 ratio не должен превышать 4,5% (источник: BIS. Definition of capital in Basel III. URL: https://www.bis.org/fsi/fsisummaries/defcap_b3.pdf (accessed 1 May 2020))

Источник: EU-wide stress testing.

URL: <https://eba.europa.eu/risk-analysis-and-data/eu-wide-stress-testing> (accessed 1 May 2020)

На первый взгляд представляется, что урегулирование кризиса ликвидности MPS не выделяется из общей совокупности подобных случаев — все законодательные нормы были соблюдены. Однако тот факт, что процедуре *bail-in* были подвергнуты лишь акционеры и младшие кредиторы свидетельствует о формальной приверженности новым нормам. Сумма, привлеченная в результате обнуления акций и списывания обязательств по облигациям, составила 4,3 млрд евро^[21] — меньше, чем выделенные за счет налогов средства (5,4 млрд). Это подрывало дух новых банковских правил и ставило под вопрос жизнеспособность проекта БС.

рекапитализации. Банки должны были подлежать ликвидации с полноценным применением *bail-in*, что гарантировало бы неприкосновенность средств итальянских налогоплательщиков. Однако был выбран другой путь, опирающийся на национальное законодательство: их поглощение вторым на тот момент крупнейшим итальянским банком Intesa San Paolo, проведение минимального *bail-in* и выделение из бюджета непосредственно для Intesa 4,8 млрд евро на меры по ликвидации и 12 млрд евро на государственные гарантии — итого почти 17 млрд евро средств налогоплательщиков^[22]. Свое решение, одобренное Еврокомиссией^[23], правительство П. Дзентилони мотивирова-

[20] European Commission. Press release. 4 July 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1905 (accessed 5 May 2020)

[21] European Commission. Press release. 4 July 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1905 (accessed 5 May 2020)

[22] Barbagallo C. Veneto Banca e Banca Popolare di Vicenza // Senato della Repubblica, Rome. — 2017. P. 14.

[23] European Commission. Press release. 25 June 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1791 (accessed 1 May 2020)

ло тем, что простая ликвидация, а не поглощение повлекла бы риски для стабильности банковского сектора страны.

Подобные меры, однако, несли риски и для итальянской экономики, и для евроинтеграции в целом. Вмешательство в урегулирование проблемы ликвидности банков со стороны итальянского правительства угрожало замыканию «порочного круга» между банками и государством. *Bail-in* как раз и задумывался как решение этой проблемы: чем меньше бюджетных средств используется для урегулирования кризисов банков, тем слабее взаимосвязь этих секторов и их взаимная чувствительность к шокам. Для самого Банковского союза итальянский кейс тоже поставил ряд вопросов. Неоднозначность понятия *финансовой состоятельности* в законодательстве ЕС позволила MPS получить доступ к средствам налогоплательщиков в рамках *превентивной рекапитализации*, а недостаточно раскрытое в Директиве понятие общественного интереса привело к тому, что даже при «спасении» двух небольших коммерческих банков бремя ответственности легло на плечи обычных граждан, а не крупных кредиторов. Это создало опасный прецедент: почему одни европейские банки должны были подвергаться полноценной процедуре *bail-in*, а другие могли искать лазейки в законодательстве? Одобрение Еврокомиссией мер по отношению к MPS, Banca Popolare di Vicenza и Veneto Banca дискредитировало наднациональную систему банковского контроля. Мотивация решения понятна: опасность коллапса итальянской экономики и быстрого распространения кризиса по еврозоне слишком велика. Но

проблема заключается в том, что *bail-outs* данных трех банков — уже не исключение, а, скорее, правило. Новое итальянское правительство во главе с Дж. Конте продолжает использование бюджетных средств для решения кризисов банковской ликвидности. Один из последних обсуждаемых случаев — *bail-out* банка Бари в декабре 2019 г. на сумму 900 млн евро^[24].

Особые опасения вызывает приостановление экономической деятельности в Италии в связи с пандемией коронавируса, которое не может не отразиться на нестабильной банковской системе: последние тесты ЕВА, проведенные весной 2020 г., показывают итальянские банки на последних позициях по достаточности капитала и на первых по количеству «плохих» кредитов^[25]. На восстановление экономики понадобятся огромные бюджетные средства, что, в свою очередь, приведет к обесцениванию государственных долговых бумаг, держателями которых по-прежнему преимущественно являются итальянские банки (по данным МВФ, 10,5%^[26]). Особенно злободневна для страны проблема внешнего долга, который, по прогнозам МВФ, к концу 2020 г. достигнет 155% ВВП^[27]. Опасность заключается в том, что он может стать катализатором банковского кризиса страны, при этом его масштабы не ограничатся лишь Италией: банкам других стран Европы принадлежит 425 млрд евро итальянского долга, при этом наибольшая доля у Франции (285 млрд) и Германии (58 млрд)^[28]. Следовательно, именно эти участницы европейской интеграции в первую очередь заинтересованы в предотвращении коллапса итальянской экономики. В марте 2020 г. ЕЦБ принял экстренную программу по покупке

[24] Italy government approves rescue of Popolare di Bari bank // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-banks-popolare-di-bari-decree-idUSKBN1YJ0N9> (accessed 4 May 2020)

[25] European Banking Authority. Risk assessment of the European banking system. – Publications Office of the European Union, 2020.

[26] International Monetary Fund. Country report 20/81. – 2020.

[27] IMF. Transcript of the April 2020 Fiscal Monitor Press Briefing. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/15/tr041520-transcript-of-the-april-2020-fiscal-monitor-press-briefing> (accessed 5 May 2020)

[28] Gros D. Who holds Italian government debt? CEPS Policy Insight No 2019-11– 2019. P. 3.

европейских государственных облигаций на сумму 750 млрд евро^[29]. Представляется, что эффективность помощи именно для Италии, которая предварительно составит 224 млрд евро^[30], в совокупности с действиями национального правительства окажутся решающими для будущего итальянской экономики и всего процесса европейской интеграции.

Подведём итоги. Во-первых, революционность Банковского союза и учрежденного им принципа *bail-in* не подлежит сомнению. Массовые и казавшиеся безальтернативными *bail-outs* банков со стороны национальных правительств остались в прошлом. Был выработан общий механизм контроля над европейскими банками, а также своевременного предотвращения кризисных сценариев^[31] — это залог дальнейшего углубления интеграции в рамках ЭВС.

Во-вторых, оценивая значение рассмотренных случаев «спасения» итальянских банков для развития проекта БС, отметим, что, с одной стороны, они не представляют собой открытую компрометацию его правил: в каждом из трёх кейсов был применен минимально требуемый *bail-in*. С другой стороны, возникает ряд проблем. Для Италии это проблема риска замыкания круга, связывающего государственный долг и банки. Аргумент о необходимости возместить ущерб домохозяйствам как главным держателям облигаций, не обладавшим информацией о рисках вложений, уже не работает в связи с реструктуризацией их портфелей ценных бумаг^[32]. Для Европы в целом итальянский кейс — испытание общеевропейской идентичности на прочность. Продемонстрированная итальянцами возможность списывать банковские

обязательства на минимальном уровне создала «Европу двух скоростей», в которой некоторые в состоянии пользоваться неоднородными моментами наднационального законодательства, а другие вынуждены полноценно придерживаться принципа *bail-in*. Более того, процесс углубления интеграции в рамках БС оказался приостановлен в результате неудачных попыток согласовать третий, до сих пор не реализованный механизм, — Общее страхование вкладов. На обсуждении реформы БС в декабре 2019 г. итальянская сторона ясно дала понять, что не одобрит изменения без создания этого механизма гарантии средств вкладчиков^[33], что отложило рассмотрение вопроса на неопределенный срок.

Итак, отсутствие консенсуса стран-участниц интеграции по вопросу реализации БС и попытки Италии пойти в обход новых общих правил требуют пересмотра самого механизма *bail-in* и устранения неточностей в его юридическом закреплении. Это касается, в частности, понятий финансово состоятельного института и общественного интереса. Возникает необходимость более четкого определения ситуаций (и в перспективе сужения их круга), при которых *bail-out* не имеет альтернативы. Важно также принимать во внимание, что общее ухудшение экономических условий в еврозоне и в особенности в Италии в связи с пандемией коронавируса лишь усложнят процесс совершенствования механизмов БС, поэтому итоговый результат будет напрямую зависеть от способности властей ЕС выстроить конструктивный диалог по этому вопросу, обеспечив приверженность всех без исключения стран общим целям на пути европейской интеграции.

[29] European Banking Authority. Pandemic emergency purchase programme (PEPP). URL: <https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/pepp/html/index.en.html> (accessed 5 May 2020)

[30] L'Osservatorio sui conti pubblici italiani // La Stampa. URL: <https://www.lastampa.it/economia/2020/04/11/news/ocpi-il-debito-italiano-potrebbe-salire-al-157-6-del-pil-1.38707464> (accessed 6 May 2020)

[31] Салинг Корнелия, Гусаков Николай Павлович. Банковский союз ЕС: проблемы финансовой стабильности // Современная Европа. 2018. №4 (83). С. 133.

[32] Coletta M., Santioni R. Le Obbligazioni Bancarie Nel Portafoglio Delle Famiglie Italiane // Bank of Italy Occasional Paper. – 2016. – P.6.

[33] Italy emerges as biggest obstacle // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/b9dea3b6-3384-11ea-a329-0bcf87a328f2?segmentid=acee4131-99c2-09d3-a635-873e61754ec6> (accessed 4 May 2020)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пищик В. Я. Институциональные механизмы регулирования внешних дисбалансов в европейском Экономическом и валютном союзе//Экономика. Налоги. Право. – 2018. – Т. 11. – №. 6.
2. Салинг Корнелия, Гусаков Николай Павлович. Банковский союз ЕС: проблемы финансовой стабильности// Современная Европа. 2018. №4 (83).
3. Щепелева М. А. Подходы к оценке риска финансового сектора//Вестник МГИМО Университета. – 2014. – №. 6 (39).
4. Barbagallo C. Veneto Banca e Banca Popolare di Vicenza //Senato della Repubblica–Camera dei Deputati, Commissione Parlamentare di inchiesta sul sistema bancario e finanziario, Rome. – 2017.
5. BIS. Definition of capital in Basel III. URL: https://www.bis.org/fsi/fsisummaries/defcap_b3.pdf (accessed 1 May 2020)
6. Coletta M., Santioni R. Le Obbligazioni Bancarie Nel Portafoglio Delle Famiglie Italiane // Bank of Italy Occasional Paper. – 2016. – №. 359.
7. Commission decision of 22.11.2015 on the State Aid. URL: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/261428/261428_1951636_241_2.pdf (accessed 1 May 2020)
8. EBA Basel monitoring exercise. URL: <https://eba.europa.eu/eba-publishes-results-of-the-basel-iii-monitoring-exercise-as-of-31-december-2014> (accessed 1 May)
9. EU-wide stress testing. URL: <https://eba.europa.eu/risk-analysis-and-data/eu-wide-stress-testing> (accessed 1 May 2020)
10. European Banking Authority. EBA at a glance. URL: <https://eba.europa.eu/about-us/eba-at-a-glance> (accessed 1 May 2020)
11. European Banking Authority. Pandemic emergency purchase programme (PEPP). URL: <https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/pepp/html/index.en.html> (accessed 5 May 2020)12.
12. European Banking Authority. Results of 2014 EU-wide stress test. URL: <https://eba.europa.eu/sites/default/documents/files/documents/10180/851779/634773ab-9996-498f-be71-5cb5be041c82/2014%20EU-wide%20ST-aggregate%20results.pdf?retry=1>. (accessed 1 May 2020)
13. European Banking Authority. Risk assessment of the European banking system. – Publications Office of the European Union, 2020.
14. European Commission. Press release. 25 June 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1791 (accessed 1 May 2020)
15. European Commission. Press release. 4 July 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1905 (accessed 5 May 2020)
16. European Commission. Press release. 7 June 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1556 (accessed 1 May 2020)
17. European Commission. State Aid Scoreboard 2019. URL: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/scoreboard/index_en.html (accessed 1 May 2020)
18. European Council. Single Resolution Mechanism. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/banking-union/single-resolution-mechanism/> (accessed 1 May 2020)
19. European parliament. Banks Net Exposure to Home Sovereign. 23 March 2015. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2015/542651/IPOL_ATA\(2015\)542651_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2015/542651/IPOL_ATA(2015)542651_EN.pdf) (accessed 1 May 2020)
20. European parliament. Briefing. July 2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/587392/IPOL_BRI\(2017\)587392_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/587392/IPOL_BRI(2017)587392_EN.pdf) (accessed 2 May 2020)

21. Gros D. Who holds Italian government debt? A Primer. CEPS Policy Insight No 2019-11/June 2019. – 2019. P. 3.
22. Il pensionato suicida, il racconto della moglie: «È tardi, lei ha firmato» // Corriere della sera. URL: https://roma.corriere.it/notizie/cronaca/15_dicembre_11/pensionato-suicida-racconto-moglie-tardi-lei-ha-firmato-5394d51c-9fd6-11e5-9e42-3aa7b5e47d96.shtml (accessed 4 May 2020)
23. IMF. Transcript of the April 2020 Fiscal Monitor Press Briefing. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/15/tr041520-transcript-of-the-april-2020-fiscal-monitor-press-briefing> (accessed 5 May 2020)
24. International Monetary Fund. Country report 20/81. – 2020.
25. Italy emerges as biggest obstacle to eurozone banking union // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/b9dea3b6-3384-11ea-a329-0bcf87a328f2?segmentid=acee4131-99c2-09d3-a635-873e61754ec6> (accessed 4 May 2020)
26. Italy government approves rescue of Popolare di Bari bank// Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-banks-popolare-di-bari-decree-idUSKBN1YJON9> (accessed 4 May 2020)
27. L'Osservatorio sui conti pubblici italiani: il debito italiano potrebbe salire al 157,6% del Pil // La Stampa. URL: <https://www.lastampa.it/economia/2020/04/11/news/ocpi-il-debito-italiano-potrebbe-salire-al-157-6-del-pil-1.38707464> (accessed 6 May 2020)
28. OJC. Communication from the Commission (Banking Communication)//Official Journal of the European Union. – 2013.

REFERENCES

1. Pishchik V. YA. Institucional'nye mekhanizmy regulirovaniya vneshnih disbalansov v evropejskom Ekonomicheskom i valyutnom soyuze//Ekonomika. Nalogi. Pravo. – 2018. – T. 11. – №. 6.
2. Saling Korneliya, Gusakov Nikolaj Pavlovich. Bankovskij soyuz ES: problemy finansovoj stabil'nosti// Sovremennaya Evropa. 2018. №4 (83).
3. Shchepeleva M. A. Podhody k ocenke riska finansovogo sektora//Vestnik MGIMO
4. Barbagallo C. Veneto Banca e Banca Popolare di Vicenza //Senato della Repubblica–Camera dei Deputati, Commissione Parlamentare di inchiesta sul sistema bancario e finanziario, Rome. – 2017.
5. BIS. Definition of capital in Basel III. URL: https://www.bis.org/fsi/fsisummaries/defcap_b3.pdf (accessed 1 May 2020)
6. Coletta M., Santioni R. Le Obbligazioni Bancarie Nel Portafoglio Delle Famiglie Italiane // Bank of Italy Occasional Paper. – 2016. – №. 359. 7.
7. Commission decision of 22.11.2015 on the State Aid. URL: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/261428/261428_1951636_241_2.pdf (accessed 1 May 2020)
8. EBA Basel monitoring exercise. URL: <https://eba.europa.eu/eba-publishes-results-of-the-basel-iii-monitoring-exercise-as-of-31-december-2014> (accessed 1 May)
9. EU-wide stress testing. URL: <https://eba.europa.eu/risk-analysis-and-data/eu-wide-stress-testing> (accessed 1 May 2020)
10. European Banking Authority. EBA at a glance. URL: <https://eba.europa.eu/about-us/eba-at-a-glance> (accessed 1 May 2020)
11. European Banking Authority. Pandemic emergency purchase programme (PEPP). URL: <https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/pepp/html/index.en.html> (accessed 5 May 2020)

12. European Banking Authority. Results of 2014 EU-wide stress test. URL: <https://eba.europa.eu/sites/default/documents/files/documents/10180/851779/634773ab-9996-498f-be71-5cb5be041c82/2014%20EU-wide%20ST-aggregate%20results.pdf?retry=1>. (accessed 1 May 2020)
13. European Banking Authority. Risk assessment of the European banking system. – Publications Office of the European Union, 2020.
14. European Commission. Press release. 25 June 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1791 (accessed 1 May 2020)
15. European Commission. Press release. 4 July 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1905 (accessed 5 May 2020)
16. European Commission. Press release. 7 June 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1556 (accessed 1 May 2020)
17. European Commission. State Aid Scoreboard 2019. URL: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/scoreboard/index_en.html (accessed 1 May 2020)
18. European Council. Single Resolution Mechanism. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/banking-union/single-resolution-mechanism/> (accessed 1 May 2020)
19. European parliament. Banks Net Exposure to Home Sovereign. 23 March 2015. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2015/542651/IPOL_ATA\(2015\)542651_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2015/542651/IPOL_ATA(2015)542651_EN.pdf) (accessed 1 May 2020)
20. European parliament. Briefing. July 2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/587392/IPOL_BRI\(2017\)587392_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/587392/IPOL_BRI(2017)587392_EN.pdf) (accessed 2 May 2020)
21. Gros D. Who holds Italian government debt? A Primer. CEPS Policy Insight No 2019-11/June 2019. – 2019. P. 3.
22. Il pensionato suicida, il racconto della moglie: «È tardi, lei ha firmato» // Corriere della sera. URL: https://roma.corriere.it/notizie/cronaca/15_dicembre_11/pensionato-suicida-racconto-moglie-tardi-lei-ha-firmato-5394d51c-9fd6-11e5-9e42-3aa7b5e47d96.shtml (accessed 4 May 2020)
23. IMF. Transcript of the April 2020 Fiscal Monitor Press Briefing. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/15/tr041520-transcript-of-the-april-2020-fiscal-monitor-press-briefing> (accessed 5 May 2020)
24. International Monetary Fund. Country report 20/81. – 2020.
25. Italy emerges as biggest obstacle to eurozone banking union // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/b9dea3b6-3384-11ea-a329-0bcf87a328f2?segmentid=acee4131-99c2-09d3-a635-873e61754ec6> (accessed 4 May 2020)
26. Italy government approves rescue of Popolare di Bari bank // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-banks-popolare-di-bari-decree-idUSKBN1YJON9> (accessed 4 May 2020)
27. L'Osservatorio sui conti pubblici italiani: il debito italiano potrebbe salire al 157,6% del Pil // La Stampa. URL: <https://www.lastampa.it/economia/2020/04/11/news/ocpi-il-debito-italiano-potrebbe-salire-al-157-6-del-pil-1.38707464> (accessed 6 May 2020)
28. OJC. Communication from the Commission (Banking Communication) // Official Journal of the European Union. – 2013.

Национализм в режиме Аугусто Пиночета

Полина Слепухина
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В работе рассматривается проявление национализма в режиме Аугусто Пиночета — диктатора, правившего в Чили в 1973 — 1990 гг. Актуальность исследования состоит в том, что, хотя Чили является одним из наиболее развитых государств Латинской Америки, в нем существуют глубокие внутренние социальные противоречия, большой разрыв между богатыми и бедными, что и в наше время периодически выливается в народные волнения. Корень данной проблемы следует искать в экономических и социальных реформах военной хунты, которые было бы бессмысленно анализировать без углубленного изучения националистической основы ее политики.

Целью исследования является изучение проявления национализма в режиме А. Пиночета, особенностей риторики военной хунты в том, что касается чилийского национального вопроса. Автор пытается ответить на вопрос, был ли национализм исторической необходимостью для выхода Чили из глубокого кризиса или же инструментом в руках политической элиты государства,

позволявшим, прикрываясь ориентацией на национальные интересы, реализовывать свои цели и манипулировать обществом. Литература по данной теме неоднозначна: трактовка реформ и итогов правления Пиночета часто зависит от личного отношения исследователя к фигуре этого политика. Данная статья основана на комплексном анализе исторических источников и исследований ученых, представляющих различные мнения и школы, и призвана дать объективный анализ внутренней и внешней политики хунты и ее националистическому аспекту. Анализ внутренней политики включает экономические, социальные и политические реформы. Статья детально рассматривает международные отношения Чили с другими государствами Латинской Америки и с США; внешние контакты с другими странами мира не представляют интереса для изучения, так как Западная Европа отказалась сотрудничать с диктаторским режимом, нарушавшим права человека, а со странами социалистического блока Пиночет разорвал дипломатические отношения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национализм, Пиночет, Чили, военная хунта, Латинская Америка, диктатура, Азиатско-Тихоокеанский регион

Nationalism in the regime of Augusto Pinochet

Polina Slepukhina

MGIMO University

ABSTRACT

The article addresses the nationalistic aspect of the regime of the dictator Augusto Pinochet who ruled Chile in 1973 – 1990. The relevance of the research is urgent because of the fact that although Chile is one of the most developed countries in Latin America, there are deep social contradictions, a gap between the rich and the poor which repeatedly causes civil unrest even now. The roots of the problem lie in the economic and social reforms of the military junta which are to be analyzed in conjunction with a deep research of the nationalistic framework of its policy.

The goal of the survey is to analyze the manifestations of nationalism in Pinochet's regime, characteristic features of the junta's rhetoric with regard to the national issue of Chile. The author tries to give an answer to the question whether nationalism was a historical necessity for Chile to overcome the crisis or a tool of the political elite which enabled it to implement its goals and to manipulate the society while hiding

behind the idea of pursuing the national aspirations of the country. The bibliography concerning this topic is rather ambiguous as the interpretation of the reforms and results of Pinochet's governance often depend on the subjective attitude of the researcher to the figure of this politician. This article is based upon the comprehensive analysis of the historical documents and the researches of scientists representing various schools and convictions. It aims to give an objective outlook of the domestic, including economic, social and political reforms, and international policy of the junta and its nationalistic aspect. The research pays special attention to the relations between Chile and other Latin American countries and Chile and the USA. External contacts with other states are of little scientific interest as Western Europe rejected to cooperate with the dictatorial regime which was accused of the violation of human rights; at the same time Pinochet severed diplomatic relations with the socialist countries.

KEYWORDS

Nationalism, Pinochet, Chile, military junta, Latin America, dictatorship, Asian Pacific region

Чили — одно из наиболее развитых^[1], интегрированных в мировую экономику государств Латинской Америки, в котором, однако, существует глубокое социальное расслоение, провоцирующее народные волнения, примером которых могут служить массовые протесты в Чили в 2019 — 2020 гг. Истоки этой парадоксальной проблемы лежат в наиболее крупных экономических реформах Чили, проведенных правительством Аугусто Пиночета (1973 — 1990). Режим Пиночета нельзя рассматривать без глубокого анализа национализма, который традиционно был присущ государствам Латинской Америки и стал тонким инструментом в руках этого искусного геополитика.

На современном этапе понятие национализма не имеет однозначной трактовки. Так, энциклопедический словарь «Политология» определяет национализм как «идеологию..., мировоззрение и политику подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства»^[2], некоторые же исследователи считают национализм «смесью убеждений, придающих повышенную важность национальному обществу, с чувствами особой... лояльности к своей нации»^[3]. Другие полагают, что суть национализма состоит лишь в «наличии некоторых естественных прав нации»^[4].

Однако при всех различиях в определении данного понятия, принято считать, что национализм в Латинской Америке (в частности, Чили) — явление особое, спровоцированное колониальной историей и укоренившимися антиимпериалистическими настроениями^[5] южноамериканского континента, исключительно благодаря которому страны региона получили возможность

сформировать суверенную государственность, трансформироваться в самостоятельные субъекты международных отношений, реализовывать собственные геополитические интересы^[6]. Таким образом, латиноамериканский национализм ориентирован не на национальное превосходство, а на поиск собственного, автохтонного пути развития, на уважение к своей родине и преемственности, искоренение исторического иностранного влияния. В той ситуации, при которой национализм играет решающую роль в самосознании и стремлении нации к независимости, данная идеология может быть и удобным средством манипуляции в руках политических элит: такой она и стала в период правления чилийского диктатора Аугусто Пиночета.

В целях дать объективную оценку проявлению национализма во внутренней и внешней политике Пиночета в статье проводится комплексный анализ исторических источников и литературы различных взглядов и времени жизни авторов. Общей целью исследования является изучение особенностей проявления национализма во внутренней и внешней политике Чили периода хунты — военного правительства, пришедшего к власти в результате переворота под предводительством Аугусто Пиночета.

Резкий рост националистических настроений в Чили в 1970-х гг. российские и зарубежные исследователи связывают с тяжелейшим социально-экономическим кризисом во время правления социалиста Сальвадора Альенде (1970 — 1973): общество наиболее подвержено распространению радикальных идей в периоды спада и по-

[1] The World Bank. GNI per Capita, PPP (current international \$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD?type=points&view=map> (дата обращения: 4.05.2020).

[2] Аверьянов Ю. Политология: Энциклопедический словарь. М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. — С. 195.

[3] Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство института Гайдара, 2017. — С. 193.

[4] Нарочницкая Е. Национализм как мировоззренческая концепция // Актуальные проблемы Европы. — 1996. — № 3. — С. 33.

[5] Некочаев Э.Р. История империализма в Чили. М.: Прогресс, 1964. — С. 206.

[6] Шульговский А.Ф. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М.: Наука, 1976. — С. 35.

трясений^[7]. Так, большую популярность приобрела крайне правая организация «Patria y Libertad», действовавшая с помощью террористических методов. Чилийское общество, столкнувшееся в результате административных экономических мер правительства Альенде с товарным дефицитом, инфляцией и безработицей, породившими мятежи и беспорядки, было готово принять жесткие авторитарные меры военного правительства: от него ожидали «порядка, а не чудес»^[8]. На смену социализму в качестве новой концепции развития пришел национализм, активно поощрявшийся сверху и использовавшийся властями как рычаг управления.

11 сентября 1973 года в результате военного переворота социалистическое правительство Сальвадора Альенде в Чили было свергнуто, а к власти пришел командующий сухопутными войсками генерал Пиночет. В первую очередь новое правительство принялось за политические реформы. Под лозунгом борьбы с «марксистской угрозой», которая довела страну до серьезнейшего кризиса, генерал Пиночет расправлялся со своими политическими оппонентами. Чилийский национализм провозглашался основой национальной «социальной демократии» хунты^[9], состоявшей в авторитарной форме правления и аполитичности общества^[10]. В связи с этим как таковая необходимость в политическом плюрализме и представительстве отпадала, деятельность всех политических партий была запрещена. В то же время была развернута масштабная акция по уничтожению оппо-

зиции, в ходе которой были репрессированы, по некоторым оценкам современников, до 155 тысяч человек^[11].

Экономическая сфера также подверглась масштабным реформам, однако здесь Пиночет отказался от применения националистических мер^[12]. За основу было взято учение Чикагской школы: отказ от политики протекционизма, переход на экспортоориентированную модель, создание открытой рыночной экономики. Данная стратегия предполагала «превращение страны в ведущего мирового экспортера, поставщика лучших на рынке товаров»^[13]. В этих целях была реализована масштабная программа приватизации, что привело к формированию нового предпринимательского класса, способного производить конкурентоспособные экспортные товары. Режим Пиночета оказывал поддержку национальным производителям на внешнем рынке: в 1974 г. было создано новое структурное подразделение МИДа Чили — организация «ProChile», сыгравшая ключевую роль в формировании имиджа чилийских товаров как наиболее качественных, не имеющих конкурентов в своей области. К 1982 г. экспортный товарооборот Чили вырос в несколько раз, существенно повысились экспортные доходы, что позволило залатать дыру в бюджете страны^[14]. Кроме того, хунта получала внушительные кредиты от МВФ, Межамериканского банка развития и других иностранных банков^[15]. В результате принятых мер государство не просто преодолело экономическую разруху, но в небольшие сроки встроилось в систему мирового хозяйства, освободилось от статуса периферийного игрока.

[7] J. Grugel. Nationalist Movements and Fascist Ideology in Chile // Bulletin of Latin American Research. — 1985. — Vol. 4, № 2. — С. 117.

[8] Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013. — С. 91.

[9] Declaración de principios del gobierno de Chile. URL: http://www.archivochile.com/Dictadura_militar/doc_jm_gob_pino8/DMdocjm0005.pdf (дата обращения: 24.05.2020)

[10] Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979. — С. 482.

[11] Canobbio M. Crónica Histórica. Testimonios de la Historia Política, 1920–1994. Santiago de Chile, 1995. — С. 288.

[12] Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX — начало XXI в.). М.: Аспект Пресс, 2019. — С. 129.

[13] Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013. — С. 84.

[14] Там же. — С. 87.

[15] Там же. — С. 89.

Однако, превратив экономику страны в одну из ведущих на континенте, А. Пиночет ухудшил положение рядовых граждан Чили. Вследствие резкого сокращения социальных выплат население продолжало нищать (до 38,6% к 1989 г.^[16]), усилилось и без того глубокое социальное неравенство, долгое время сохранялся высокий уровень инфляции; и хотя в долгосрочной перспективе меры военной хунты показали свою эффективность, современники реформ испытывали серьезные экономические трудности. Таким образом, нельзя сказать, что преобразования были проведены ради удовлетворения нужд народа Чили, повышения общего уровня жизни. В экономической сфере националистические воззрения А. Пиночета сыграли наименьшую роль.

Во всей полноте проявился национализм хунты во том, что касалось армии. Необходимо отметить, что исторически вооруженные силы Чили представляли собой один из наиболее развитых общественных институтов, который всегда считался оплотом патриотизма^[17], гарантом устойчивого развития страны, «соблюдения всей полноты её интересов»^[18]. В сознании военнослужащих искусственно насаждалась кастовость, население Чили традиционно считало армию «олицетворением "националистического единства", "национального духа"»^[19]. При хунте собственный военно-промышленный комплекс страны был создан практически с нуля^[20], государственные расходы на вооруженные силы

значительно увеличились, численность армии выросла в несколько раз. Военные получили исключительные социальные льготы и полномочия, в том числе почти неограниченное право на использование насилия. По ряду законов «военные стали практически неподсудной кастой», в то же время покушение на военнослужащего каралось смертной казнью^[21]. При таком особом социальном статусе, будучи искусственно возведенными в ранг «оплота чилийского национализма»^[22], вооруженные силы являлись послушным орудием в руках Пиночета. В то же время идеологи хунты выдвигали лозунги «единства армии с народом», возрождения «угасающего духа чилийской нации» благодаря армии, которая «должна вернуть народу утерянную "националистическую мистику"»^[23].

Однако предполагаемое объединение чилийского народа под началом военных связывалось не столько с выходом из кризиса, сколько с борьбой против оппозиции существующему режиму. Подтверждение тому мы находим в речах и работах самого Пиночета, в которых он стремился выступать как истинно народный деятель и которые носили ярко выраженный универалистский характер^[24]. В книге «Patria y Democracia» Пиночет говорил, что каждый чилиец является солдатом, а служба — это долг любого уважающего себя патриота^[25]; обращаясь же к нации с трибуны он подчеркивал, что и сам является простым солдатом, вынужденным исполнять свой долг^[26]. Отныне

[16] Там же. — С. 90.

[17] J. Grugel. Nationalist Movements and Fascist Ideology in Chile // Bulletin of Latin American Research. — 1985. — Vol. 4, № 2. — С. 117.

[18] Мартынов Б.Ф. Эволюция доктрин и политики безопасности латиноамериканских стран: дис. ... доктора полит. наук. — Институт Латинской Америки РАН, Москва, 1999. — С. 102.

[19] Шульговский А.Ф. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М.: Наука, 1976. — С. 196.

[20] Козлов М.Ю. Проблемы развития ВПК стран Латинской Америки (на примере Аргентины, Бразилии и Чили): Автореф. дис. канд. эк. наук. — М., 2003. — С. 4.

[21] Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013. — С. 81.

[22] Шульговский А.Ф. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М.: Наука, 1976. — С. 196.

[23] Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979. — С. 487.

[24] Bitar S. Chile: liberalismo económico y dictadura política. Lima: Instituto de estudios Peruanos, 1981. — С. 116.

[25] Augusto Pinochet Ugarte. Pinochet: Patria y Democracia. Santiago: Editorial Andres Bello, 1985. — С. 213.

[26] Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013. — С. 82.

целью развития государства Пиночет провозглашал возрождение Чили и создание великой чилийской нации ради будущих поколений^[27]. Свою работу делала и пропаганда в подконтрольных СМИ: Чили объявлялась «"страной братьев", в которой "любовь побеждает всё"»^[28], превозносились новые экономические возможности, индивидуализм, личная инициатива. Провозгласив марксизм угрозой для национальной безопасности Чили, диктатор наделил армию ролью мессии, чьим предназначением было возглавить «"крестовый поход" против "международного коммунизма"»^[29]. По сути, отказываясь от предшествующего опыта развития демократии и политического плюрализма, свойственного Чили, Пиночет обвинял «тоталитарный марксизм» в насаждении политического насилия под лозунгами «мирной социальной революции». Милитаризм был искусственно возведен в ранг новой национальной идеи чилийского народа, а коммунистическая идеология приобрела образ общенационального врага, с которым должен бороться каждый патриот всеми возможными способами.

Итак, национализм действительно оказывал значительное влияние на внутреннюю политику Пиночета, однако национальные интересы были далеко не единственным ориентиром диктатора. Часто, как, например, в случае борьбы с силами оппозиции, защита чилийского национализма служила лишь благородным предлогом для жестоких расправ и удовлетворения интересов верхушки власти. Когда же дело касалось серьёзных экономических реформ, нужды населения Чили были далеко не в приоритете. Будучи геополитиком, способным смотреть далеко в будущее, Пиночет все же не только не смог обеспе-

чить гражданам Чили — своим современникам — достойный уровень жизни, но и спровоцировал нарастание социальных противоречий в обществе, отголоски которых и сейчас «способны активно вторгаться в жизнь новых поколений»^[30].

Внешней политике режима Пиночета были свойственны следующие особенности:

- Тезис о необходимости борьбы с основным врагом успешного развития государства, марксизмом, лег в основу не только внутренней, но и внешней политики хунты. Было объявлено, что поддержание национальной безопасности страны стало более невозможным без нанесения упреждающего удара по коммунистической угрозе, и именно Чили должно встать в авангарде борьбы с коммунистами на международном уровне^[31].
- По мнению известного советского учёного-латиноамериканиста А.Ф. Шульговского, во внешней политике военная хунта прибегала в равной степени «как к великодержавному шовинизму, так и к национализму малой нации» в зависимости от преследуемых целей. С одной стороны, Чили претендует на ведущую роль в Латинской Америке, с другой — будучи небольшим государством, «подвергается нападкам двух сверхдержав»^[32]. Данное свидетельство лишний раз подтверждает, что у чилийского национализма не было чётко разработанной идеологической основы, что делало его гибким инструментом в руках политических элит.

[27] Augusto Pinochet Ugarte. Pinochet: Patria y Democracia. Santiago: Editorial Andres Bello, 1985. — С. 39.

[28] Canobbio M. Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política, 1920—1994. Santiago de Chile, 1995. — С. 288.

[29] Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979. — С. 487.

[30] Дьякова Л.В. Чилийская модель развития // Интелпрос. — 2014. — №3. — С. 79.

[31] Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979. — С. 480.

[32] Шульговский А.Ф. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М.: Наука, 1976. — С. 196.

- Декларация принципов правительства Чили, принятая в марте 1974 года, признавала, что государство входит в число развивающихся стран; хунта считала необходимым найти средство выбраться из этой группы. Сотрудничество ни с одним из блоков правительство Чили не устраивало. Обвиняя марксизм в тоталитаризме, а западные демократии — в материализме и формировании «общества потребления», хунта считала, что Чили должно было избрать свой собственный путь, который выведет государство из кризиса и избавит от образа «периферийной страны»^[33].

Политика Чили в Латинской Америке отличалась независимостью, ориентацией только на собственные геополитические интересы. В книге «Геополитика» Пиночет выделил следующие цели внешней политики Чили: господство в южной части Тихого океана, проливе Дрейка и Антарктике, контроль над островами южного конуса Латинской Америки, недопущение сближения своих давних соперников: Аргентины, Перу и Боливии (с последними противоречия сохранялись ещё со времён Второй Тихоокеанской войны 1879—1883 гг.). Пиночет объяснял это исторической традицией, географическим положением, наличием островов в Тихом океане, принадлежащих Чили (о. Сан-Амбросио, Сан-Феликс, Пасхи, Хуан Фернандес, Сала-и-Гомес, западная часть о. Огненная Земля)^[34], необходимостью расширения влияния чилийской нации в целях выхода из кризиса. В своих последующих выступлениях и работах Пиночет под-

черкивал важность скорейшего освоения данных территорий для развития торговли, расширения коммерческих контактов, увеличения конкурентоспособности страны на мировом рынке^[35].

В 1976 году Чили покинуло Андское сообщество наций — организацию стран Латинской Америки, созданную в целях формирования общего латиноамериканского рынка, где в 1970-е гг. превалировала политика протекционизма и импортозамещения^[36]. Демарш был вызван недовольством Пиночета мерами по ограничению ввоза иностранного капитала в Латинскую Америку: президент не был готов пойти на компромисс с менее развитыми странами региона и поступиться экономическими интересами своего государства, в которое только начали проникать иностранные инвестиции.

По мнению некоторых учёных, «солидарность» внутри Латинской Америки во второй половине 1970-х — 1980-х гг. «проявлялась зачастую лишь в качестве реакции на «внешний раздражитель», каким для них все больше становился Вашингтон»^[37]. Однако можно выделить ещё один аспект кооперации: преследование политических противников военных режимов на международном уровне. Актом подобного сотрудничества стала операция «Кондор», организованная рядом диктаторских режимов Латинской Америки при поддержке спецслужб США^[38], в ходе которой были уничтожены видные дипломаты, политики, деятели искусства оппозиционных взглядов.

Ещё одной формой сотрудничества внутри латиноамериканского континента можно считать проведение некоторых реформ

[33] Declaración de principios del gobierno de Chile. URL: http://www.archivochile.com/Dictadura_militar/doc_jm_gob_pino8/DMdocjm0005.pdf (дата обращения: 24.05.2020)

[34] Шелепова Ю.А. Развитие идей классической геополитики в Чили (XIX-XX вв.) // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — №1. — С. 157.

[35] Шелепова Ю.В. Тихоокеанская политика Чили в период правления военных (1973 — 1990 гг.). <http://iberorus.spbu.ru/uploads/shelepova.pdf> (дата обращения: 10.05.2020)

[36] Евдокимов Л.В. Особенности латиноамериканской интеграции // Политэкс. — 2011. — Том 7, №4. — С. 129.

[37] Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX — начало XXI в.). М.: Аспект Пресс, 2019. — С. 129.

[38] Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013. — С. 76.

в области международного права: государства были вынуждены работать сообща, чтобы иметь достаточно влияния в ходе противостояния с такими гигантами, как СССР и США. Так, правительство А. Пиночета поддерживало усилия Комиссии Южной части Тихого океана по созданию 200-мильной зоны своих территориальных вод, что было обосновано описанными выше геополитическими интересами страны. Эта инициатива, выдвинутая еще в 1940-х гг., была официально узаконена на 3-й Конференции ООН по морскому праву в начале 80-х гг.^[39]

Таким образом, национализм Чили, выражавшийся в приоритете национальных интересов над международными, сочетался с империалистическими настроениями, связанными с расширением влияния в Тихом океане. Будучи не особенно заметным игроком на международной арене, порой Чили было вынуждено осуществлять совместные действия с соседями по региону в том, что касалось Латинской Америки в целом как субъекта международных отношений, однако в межгосударственной политике внутри континента Чили действовало только исходя из собственных национальных интересов.

Не секрет, что, будучи ярким противником коммунизма, Аугусто Пиночет пользовался благосклонным отношением и поддержкой Соединённых Штатов Америки, которые предоставляли государству значительное финансирование; согласно опубликованным документам, переворот 11 сентября 1973 года был также осуществлён при поддержке ЦРУ^[40]. США являлись важным партнёром Чили в Азиатско-Тихоокеанском регионе,

однако некоторые исследователи утверждают, что латиноамериканское государство реализовывало «не столько свою, сколько американскую геополитическую стратегию» в этой зоне^[41]. Так, в августе 1985 г. был подписан договор об использовании о. Пасхи, принадлежащего Чили, для создания военно-воздушной базы США под предлогом проведения научных исследований НАСА^[42], что подарило Штатам новую точку опоры в регионе.

Хотя первоначально США оказывали режиму Пиночета помимо материальной и значительную политическую поддержку, массовые нарушения прав человека в Чили не могли не привлекать внимание лидера мировой демократии. Джимми Картер, президент США в 1977–1981 гг., под давлением общественности, возмущенной политическими репрессиями в Чили, официально прекратил поставки вооружения режиму Пиночета. Тем не менее, хунта не потеряла реальную поддержку Пентагона; по заявлению генерала Ли, члена правительства Чили в 1973–1978 гг., «военно-промышленный комплекс США является подлинной параллельной властью, ... которая поддерживает геополитические планы военной хунты»^[43]. Штаты активно поддерживали Чили в развитии собственного ВПК, что к концу правления Пиночета вывело государство на третье место в Латинской Америке по экспорту оружия и военной техники^[44]. Кроме того, США приложили руку к подготовке профессиональных кадров вооруженных сил Чили. Многие офицеры проходили обучение в военных школах США, в том числе в Школе Америк в зоне Панамского канала, где когда-то стажировался сам Пиночет^[45].

[39] Страны и регионы мира в мировой политике: В двух томах. Том 1: Европа и Америка: Учебник для вузов / Под ред. В. О. Печатнова, Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2019. — С. 381.

[40] Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 3 ч. / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. — М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2017. — Ч. 3: 1945 — 2000. — С. 235.

[41] Шелепова Ю.А. Развитие идей классической геополитики в Чили (XIX-XX вв.) // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — №1. — С. 158.

[42] Там же.

[43] Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979. — С. 89.

[44] Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 3 ч. / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. — М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2017. — Ч. 3: 1945 — 2000. — С. 235.

[45] Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013. — С. 82.

Итак, в плоскости отношений Чили и Соединённых Штатов при Пиночете говорить о чилийском национализме не приходится. Пока США оказывали помощь режиму хунты, её внешняя политика шла в фарватере Вашингтона, особенно в том, что касается АТР. Пользуясь поддержкой могущественного североамериканского союзника, Чили могло более уверенно проводить национально-ориентированную политику в латиноамериканском регионе, не боясь оказаться в изоляции. С.ругой стороны, по мнению некоторых учёных, международное осуждение кровавой диктатуры А. Пиночета подталкивало страну к «сотрудничеству со странами третьего мира, социалистическими государствами, что... не могло не выглядеть парадоксальным»^[46], однако данная тенденция проявилась уже после окончания военной диктатуры.

Нельзя отрицать, что национализм — важная черта истории и политической культуры Чили, который, однако, может служить лишь политизированным инструментом, помогающим «оправдывать действия властей, применение силы против собственного народа»^[47]. Именно такой подход к национализму был свойствен Аугусто Пиночету, особенно в начале его правления, когда новому правительству было необходимо заручиться поддержкой населения. Интересно, что врагом, угрожающим национальной безопасности Чили, был объявлен коммунизм, то есть не только страны социалистического блока, но и та часть граждан государства, которая придерживалась марксистской идеологии. Навязанные обществу антикоммунистические идеи не только не способствовали национальному сближению граждан Чили, но и сеяли между ними вражду, недоверие, особенно проявлявшиеся на фоне политических репрессий авторитарного правительства.

Как уже говорилось, итоги правления Пиночета оцениваются по-разному. Хунта подарила Чили экономический рост, интеграцию в мировую финансовую и экономическую систему, освободила страну от периферийного статуса. Однако следует помнить, что «чилийское экономическое чудо» и проведение «национально ориентированной», независимой региональной политики в условиях, когда другие латиноамериканские страны настаивали на коллективной защите от засилья иностранного капитала, стало возможным лишь благодаря поддержке Вашингтона, который в свою очередь использовал Чили как очередной опорный пункт в АТР и верного союзника в борьбе с коммунизмом в Южной Америке. В то же время амбициозные цели Пиночета по расширению влияния в Тихоокеанском регионе ради развития экономического потенциала нации так и остались на бумаге, что вызывает сомнения в приверженности сугубо национальным интересам во внешней политике.

Благодаря реформам Пиночета в чилийском обществе зародились неолиберальные ценности, свойственные большинству современных развитых стран: экономическая свобода, индивидуализм, личная ответственность за свои достижения и неудачи. В то же время для многих «хунта Пиночета» стала синонимом кровавых репрессий и политических преследований, «государственного терроризма в отношении гражданского населения». Военных обвиняют в том, что они подавили «традиционно богатую и многообразную политическую жизнь страны», что ранее выгодно выделяло её на фоне остальных государств Латинской Америки, а экономические меры оказались не настолько эффективными, чтобы их результаты могло увидеть современное поколение.

[46] Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX — начало XXI в.). М.: Аспект Пресс, 2019. — С. 131.

[47] Мартынов Б.Ф. Эволюция доктрин и политики безопасности латиноамериканских стран: дис. доктора полит. наук. — М., 1999. — С. 93.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов Ю. Политология: Энциклопедический словарь. М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993.
2. Дьякова Л. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013.
3. Дьякова Л. Чилийская модель развития // Интелрос. — 2014. — №3. — С. 79 — 94.
4. Евдокимов Л. Особенности латиноамериканской интеграции // Политэкс. — 2011. — Том 7, №4. — С. 127 — 142.
5. Козлов М. Проблемы развития ВПК стран Латинской Америки (на примере Аргентины, Бразилии и Чили): Автореф. дис. канд. эк. наук. — М., 2003.
6. Мартынов Б. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX — начало XXI в.). М.: Аспект Пресс, 2019.
7. Мартынов Б. Эволюция доктрин и политики безопасности латиноамериканских стран: дисс. доктора полит. наук. — М., 1999.
8. Нарочницкая Е. Национализм как мировоззренческая концепция // Актуальные проблемы Европы. — 1996. — № 3.
9. Некоча Э.Р. История империализма в Чили. М.: Прогресс, 1964.
10. Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 3 ч. / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. — М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2017. — Ч. 3: 1945 — 2000.
11. Страны и регионы мира в мировой политике: В двух томах. Том 1: Европа и Америка: Учебник для вузов / Под ред. В. О. Печатнова, Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2019.
12. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008.
13. Шелепова Ю. Развитие идей классической геополитики в Чили (XIX — XX вв.) // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — №1. — С. 152 — 161.
14. Шелепова Ю. Тихоокеанская политика Чили в период правления военных (1973 — 1990 гг.). <http://iberorus.spbu.ru/uploads/shelepova.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).
15. Шульговский А. Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979.
16. Шульговский А. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М.: Наука, 1976.
17. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство института Гайдара, 2017.
18. Augusto Pinochet Ugarte. Pinochet: Patria y Democracia. Santiago: Editorial Andres Bello, 1985.
19. Bitar S. Chile: liberalismo económico y dictadura política. Lima: Instituto de estudios Peruanos, 1981.
20. Canobbio M. Crónica Histórica. Testimonios de la Historia Política, 1920—1994. Santiago de Chile, 1995.
21. Declaración de principios del gobierno de Chile. URL: http://www.archivochile.com/Dictadura_militar/doc_jm_gob_pino8/DMdocjm0005.pdf (дата обращения: 24.05.2020).
22. J. Grugel. Nationalist Movements and Fascist Ideology in Chile // Bulletin of Latin American Research. — 1985. — Vol. 4, № 2. — С. 109 — 122.
23. The World Bank. GNI per Capita, PPP (current international \$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD?type=points&view=map> (дата обращения: 4.05.2020).

REFERENCES

1. Averianov YU. 1993. Politologiya: Enciklopedicheskiy slovar' [Political science: encyclopedic dictionary]. Izdatel'stvo Moskovskogo kommercheskogo universiteta.
2. Diakova L. 2013. Chiliyskaya demokratiya: preemstvennost' i peremeny [Chilean democracy: continuity and changes]. Institut Latinskoy Ameriki RAN.
3. Diakova L. 2014. Chiliyskaya model' razvitiya [The Chilean development model]. Intelros. № 3: pp. 79 – 94.
4. Evdokimov L. 2011. Osobennosti latinoamerikanskoy integracii [The features of Latin American integration]. Politeks. Vol. 7. № 4: pp. 127 – 142.
5. Kozlov M. 2003. Problemy razvitiya VPK stran Latinskoy Ameriki (na primere Argentiny, Brazili i Chili) [Problems of the development of the MIC of Latin America (based on the example of Argentina, Brazil and Chile)]: Avtoref. dis. kand. ek. nauk. Institut Latinskoy Ameriki RAN.
6. Martynov B. 2019. Istoriya mezhdunarodnyh otnosheniy stran Latinskoy Ameriki i Karibskogo basseyana (XX – nachalo XXI v.) [History of international relations of Latin America and the Caribbean (20 – early 21 century)]. Aspekt Press.
7. Martynov B. 1999. Evolyuciya doktrin i politiki bezopasnosti latinoamerikanskih stran [Evolution of the security doctrines and policies of Latin America]: disc. doktora polit. nauk. Institut Latinskoy Ameriki RAN.
8. Narochnickaya E. 1996. Nacionalizm kak mirovozzrencheskaya koncepciya [Nationalism as an attitudinal concept]. Aktualnye problemy Evropy. № 3.
9. Nekochea E.R. 1964. Istoriya imperializma v Chili [The history of imperialism in Chile]. Progress.
10. Noveyshaya istoriya stran Evropy i Ameriki. XX vek [Recent history of the countries of Europe and America. 20th century]: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy: V 3 ch. / Pod red. A.M. Rodrigesa i M.V. Ponomareva. Gumanitarnyy izd. centr VLADOS. Vol. 3. 2000.
11. Strany i regiony mira v mirovoy politike [Countries and regions of the world in the global politics]: V dvuh tomah. Tom 1: Evropa i Amerika: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. V. O. Pechatnova, D. V. Strel'cova. Aspekt Press. Vol. 1. 2019.
12. Chellen R. 2008. Gosudarstvo kak forma zhizni [State as a form of life]. ROSSPEN.
13. Shelepova Y. 2017. Razvitie idey klassicheskoy geopolitiki v Chili (XIX – XX vv.) [The development of the ideas of classical geopolitics in Chile (19 – 20 century)]. Vestnik MGIMO-Universiteta. №1: pp. 152 – 161.
14. Shelepova Y. Tihookeanskaya politika CHili v period pravleniya voennykh (1973 – 1990 gg.) [The policy of Chile in the Pacific during the governance of the military]. Available at: <http://iberorus.spbu.ru/uploads/shelepova.pdf> (date of request 10.05.2020).
15. Shul'govskiy A. 1979. Armiya i politika v Latinskoy Amerike [Army and politics in Latin America]. Nauka.
16. Shul'govskiy A. 1976. Nacionalizm v Latinskoy Amerike: politicheskie i ideologicheskie techeniya [Nationalism in Latin America: political and ideological currents]. Nauka.
17. Yak B. 2017. Nacionalizm i moral'naya psihologiya soobshchestva [Nationalism and moral psychology of community]. Izdatel'stvo instituta Gajdara.
18. Augusto Pinochet Ugarte. 1985. Pinochet: Patria y Democracia. Editorial Andres Bello.
19. Bitar S. 1981. Chile: liberalismo económico y dictadura política. Lima: Instituto de estudios Peruanos.
20. Canobbio M. 1995. Crónica Histórica. Testimonios de la Historia Política, 1920–1994. Santiago de Chile.
21. Declaración de principios del gobierno de Chile. URL: http://www.archivochile.com/Dictadura_militar/doc_jm_gob_pino8/DMdocjm0005.pdf (date of request 24.05.2020).
22. J. Grugel. 1985. Nationalist Movements and Fascist Ideology in Chile // Bulletin of Latin American Research. Vol. 4, № 2: pp. 109 – 122.
23. The World Bank. GNI per Capita, PPP (current international \$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD?type=points&view=map> (date of request: 4.05.2020).

Эволюция кубино-алжирских отношений в 1960-е гг.

Максим Лысенко

НИУ ВШЭ

РЕЗЮМЕ

В данной статье проанализирована эволюция кубино-алжирских отношений в 1960-е гг. Актуальность данной темы обусловлена, прежде всего, сравнительно незначительной её разработкой в среде отечественных исследователей. В ходе исследования рассмотрены ключевые работы отечественных и зарубежных авторов, затрагивающих данную тему. Описаны основные императивы внешней политики Кубы в период после революции 1959 г. В работе рассмотрены основные идеологические предпосылки развития отношений между двумя странами, а также влияние международной обстановки на их формирование. Автором выявлены причины, в со-

ответствии с которыми именно алжирское направление стало ключевым для африканского вектора внешней политики Кубы. Проанализирована роль кубинской военной помощи в ходе алжиро-марокканского конфликта, включая поставки вооружений и действия кубинских военных специалистов в период конфликта. Затронут такой аспект двустороннего сотрудничества Кубы и Алжира, как отправка кубинских медицинских миссий в данное государство. Дана оценка важности кубино-алжирских отношений в русле развития внешней политики Кубы в Африке. Описано сокращение кубино-алжирского сотрудничества во второй половине 1960-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Куба, Алжир, Африка, национально-освободительное движение, алжиро-марокканский конфликт

The Evolution of Cuban-Algerian Relations in the 1960s

Maxim Lysenko

HSE Univeristy

ABSTRACT

In this article the evolution of Cuban-Algerian relations in the 1960s is analyzed. The relevance of this topic is contingent on relatively low degree of scientific development of this issue in the Russian scientific community. The author analyzes the main scientific papers of Russian and foreign scholars addressing this topic. Main imperatives of foreign policy of Cuba during the period after the revolution of 1959 are described. In the article main ideological background for development of the relations between the countries and influence of international context on it are considered.

The author defined the reasons for Algeria to become Cuba's main foreign policy direction in Africa. The role of Cuban military aid during Algerian-Moroccan conflict, including military supplies and role of Cuban military specialists is analyzed. Such aspect of Cuban-Algerian bilateral cooperation as sending Cuban medical missions to Algeria is touched upon. The importance of Cuban-Algerian relations in context of development of Cuban foreign policy in Africa is recognized. The reduction of Cuban-Algerian cooperation during the latter half of the 1960s is described.

KEYWORDS

Cuba, Algeria, Africa, national-liberation movement, Algerian-Moroccan conflict

Рассматривая историческое развитие Кубы и Алжира в XX в. можно найти ряд схожих черт, существовавших между двумя государствами. «Что-то особенное объединяет нас и Алжир. В то время как мы сражались в горах, алжирцы сражались в вилайях»^[1] — отмечал команданте Ф. Кастро. Оба государства прошли через период колониального управления или колониальной зависимости, длительный период борьбы за независимость, отмеченный и поражениями, и успехами, победу национально-освободительного движения на рубеже 1950-х и 1960-х гг. и развитие отношений с социалистическими странами. Именно с момента завоевания независимости Алжира в 1962 г. стало активно развиваться кубино-алжирское сотрудничество в ряде сфер.

Основной целью данной работы является выявление особенностей эволюции кубино-алжирских отношений и ключевых сфер сотрудничества двух государств в течение рассматриваемого периода. В рамках работы проведён сравнительный анализ ряда источников и исследований, затрагивающих проблематику отношений Кубы и Алжира в 1960-е годы.

Представляется важным отметить, что анализ отношений Кубы и Алжира в 1960-е гг. не является темой, разработанной отечественными авторами. Наиболее подробно данный вопрос был проанализирован в работе Александра Владимировича Королькова «Становление кубинского интернационализма (1959–1979)»^[2], в которой автор затронул и двусторонние отношения Кубы и Алжира в рамках более широкого анализа кубинской внешней политики в указанный период. В зарубежной исследовательской среде данному вопросу уделено сравнительно больше внимания. Среди ключевых работ,

касающихся данного вопроса, хотелось бы выделить исследование Пьеро Глейхесеса «Первая авантюра Кубы в Африке: Алжир, 1961–1965 гг.» («Cuba's First Venture in Africa: Algeria, 1961–1965»)»^[3]. Также необходимо отметить работу Филиппа Ака «Фидель Кастро и социально-экономические права человека в Африке: многоуровневый анализ» («Fidel Castro and Socioeconomic Human Rights in Africa: a Multi-Level Analysis»)»^[4], в которой рассматриваются различные аспекты кубино-алжирского сотрудничества в 1960-е гг.

В период после победы революции в январе 1959 г. приоритеты внешней политики Кубы не были чётко определены. С одной стороны, полноценное сближение Кубы со странами социалистического блока началось в 1961 г., после признания социалистического характера Кубинской революции. С другой стороны, антиимпериалистический характер революции, выстраивание независимой внутренней политики уже осложняло отношения с США и большинством латиноамериканских стран, следующих в фарватере внешней политики США. Такие условия, а также близость идей национального освобождения способствовали росту заинтересованности Кубы в развитии отношений со странами Африки и Ближнего Востока, где имел место схожий процесс освобождения от колониальной зависимости.

В 1959 г. Эрнесто Че Гевара, один из лидеров Кубинской революции, а в 1960 г. Рауль Кастро, главнокомандующий Революционных вооружённых сил (РВС) Кубы, посещают с визитами Каир, который после прихода к власти Гамалы Абделя Насера, избранного в 1956 г. президентом Египта, стал одним из идеологических центров арабских и африканских национально-освободительных движений. Представляется вероятным, что именно по

[1] Capote, R.A. Something special unites us with Algeria. – URL: <http://en.granma.cu/mundo/2019-02-18/something-special-unites-us-with-algeria> (дата обращения 29.05.2020)

[2] Корольков, А.В. Становление кубинского интернационализма (1959–1979) / Вестник Московского университета. Серия 8. История – 2010. — №4.

[3] Gleijeses, P. Cuba's First Venture in Africa: Algeria, 1961–1965 / Journal of Latin American Studies – 1996. Vol. 28, № 1.

[4] Aka, P.C. Fidel Castro and Socioeconomic Human Rights in Africa: a Multi-Level Analysis / Fordham International Law Journal – 2019. Vol. 43.

итогах данных визитов, ознакомившись с обстановкой в регионе, руководство Кубы пришло к выводу, что национально-освободительное движение в Алжире в наибольшей степени нуждается в поддержке. Возможно, сходство в методах борьбы на Кубе и в Алжире, а именно — ведение партизанской войны в сельской местности, также способствовало принятию решения об оказании помощи алжирскому национально-освободительному движению. Безусловно, для кубинской внешней политики были важны императивы интернационализма, солидарности с национально-освободительными движениями и развивающимися странами. Ф. Кастро отмечал: «Необходимо понимать, что наша победа в январе 1959 года вовсе не означала, что наступил конец вооруженной борьбы... Многим моим соотечественникам пришлось и далее приносить в жертву свою жизнь в защиту Революции, как на Кубе, так и в других краях, выполняя священный долг»^[5].

Необходимо указать, что пример революции на Кубе, развитие её внутренней и внешней политики были высоко оценены в Алжире, в частности, лидером национально-освободительного движения А. Бен Беллой. Также привлекательными для А. Бен Беллы были модели Югославии и Египта Г.А. Насера. Он подчёркивал: «Кастро мне брат, Насер — учитель, а Тито — образец»^[6]. Кроме того, в рамках выступления на ГА ООН в 1962 г. А. Бен Белла сделал такое заявление в отношении США: «За что вы преследуете Кастро? Предупреждаю, если вы с нами поведёте себя как с ним, то будете иметь вторую Кубу в Африке»^[7].

Подчёркивал схожесть кубинской и алжирской моделей в первой половине 1960-х гг. и председатель Госсовета КНР Чжоу Эньлай, который называл Алжир этого периода «африканской Кубой»^[8].

Американский исследователь Уильям Дёрч отмечал, что уже в 1960 г. Куба направляла военный и медицинский персонал для поддержки Фронта национального освобождения (ФНО) в Алжире^[9], однако данная информация не находит подтверждения в других источниках и исследованиях. 1960-й год был отмечен лишь тем, что Ф. Кастро, выступая в ГА ООН с речью, направленной на критику империализма и колониализма заявил^[10] о поддержке национально-освободительной борьбы в Алжире, осуждая политику Франции в отношении Алжира.

Среди основополагающих точек отсчёта кубино-алжирского сотрудничества можно выделить встречу в октябре 1961 г. представителя кубинской разведки Хорхе Рикардо Масетти и премьер-министра Алжира Бена Юсефа Бен Хедды. Именно в рамках данной встречи были согласованы планы о поставках вооружения с Кубы в Алжир^[11]. По итогам переговоров, в декабре 1961 г. кубинское судно «Bahia de Nire» прибыло в Алжир, доставив стрелковое вооружение, артиллерийские орудия американского производства, которыми и была вооружена кубинская армия в дореволюционный период^[12]. На Кубу из Алжира были вывезены 76 раненых бойцов АНО Алжира с целью лечения и восстановления, а также 20 детей-сирот из лагерей беженцев^[13] с целью воспитания и получения образования на Кубе.

[5] Кастро, Ф., Рамоне, И. Фидель Кастро. Моя жизнь. Биография на два голоса — М.: РИПОЛ Классик, 2009. С. 340-341

[6] Ланда, Р.Г. История Алжира XX век — М.: Институт востоковедения РАН, 1999. — С. 149

[7] Там же. С. 150

[8] Ланда, Р.Г. Ахмед Бен Белла — Российский совет по международным делам, 2016. — С.12

[9] Durch, W.J. Revolution from a F.A.R.: the Cuban Armed Forces in Africa and the Middle East — Center for Naval Analysis, 1977. P. 3

[10] Dr. Fidel Castro Denounces Imperialism and Colonialism at the United Nations — LANIC, September 1960. URL: <http://lanic.utexas.edu/project/castro/db/1960/19600926.html> (дата обращения 29.05.2020)

[11] Gleijeses, P. Cuba's First... P. 160

[12] Vasconcelos, L.E. Cooperação Internacional como (Re)Existência em. Cuba — Dissertação para obtenção do Título de Mestre em Relações Internacionais. — Universidade Federal da Bahia, 2016. P. 154

[13] Ibid.

3 июля 1962 г. была провозглашена независимость Алжира. Премьер-министром был избран А. Бен Белла. Формально дипломатические отношения Кубы и Алжира были установлены 17 октября 1962 г., в процессе его визита на Кубу. По прибытии в Гавану алжирского лидера встречали солдаты, направленные ранее на Кубу для лечения, и дети, эвакуированные из лагерей беженцев. А. Бен Белла высоко оценил кубинскую поддержку национально-освободительного движения в Алжире. Он заявил, что народ Алжира никогда не забудет поддержку Кубы, её заботу о раненых и сиротах^[14]. Также 17 октября Ф. Кастро объявил^[15] о готовности Кубы начать сотрудничество с Алжиром в сфере здравоохранения и отправить медицинскую миссию в Алжир.

В мае 1963 г. Куба направила в Алжир первую медицинскую миссию. Она включала в себя 29 докторов, 3 стоматологов, 15 медсестёр и 8 медицинских работников, всего 55 специалистов^[16]. Непосредственное руководство миссией осуществлял министр здравоохранения Кубы Хосе Рамон Мачадо Вентура, что является подтверждением важности алжирского направления для кубинской внешней политики. Необходимо также указать, что финансирование деятельности миссии производилось кубинской стороной.

Одной из важных сфер взаимодействия можно выделить сотрудничество по линии спецслужб. Именно в Алжире проходили подготовку в полевых условиях кубинцы, которые должны были отправиться для создания «партизанского очага» в Аргентину. План операции подразумевал прибытие на территорию Боливии из Алжира, формирование

отряда, накопление оружия и продовольствия и затем переход границы с Аргентиной^[17]. Используя дипломатическую почту посольства^[18], алжирцам удалось перевезти часть необходимого оружия в Ла-Пас. Кроме того, Алжир выступал в качестве одного из поставщиков оружия и, в целом, источников снабжения для отряда^[19], возглавленного Че Геварой в Конго в 1965 г.

Наиболее ярким этапом кубино-алжирского сотрудничества является эпизод, произошедший осенью 1963 года. С.арокканской стороны была организована военная агрессия в отношении Алжира. Причиной вооружённого конфликта послужили богатые железные месторождения недалеко от Тиндуфа, необходимые для экономического развития обеих стран. 8 октября начались боевые столкновения алжирских и марокканских войск в приграничных районах.

21 октября в алжирский порт Оран прибыло кубинское судно «Aracelio Iglesias». На его борту в Алжир прибыли 50 военных специалистов, а также танки Т-34^[20], однако важно указать, что они были направлены в Алжир ещё до начала конфликта. Основной задачей данной группы было обучение алжирских военных работе с техникой. Через несколько дней после начала конфликта А. Бен Белла обратился через посольство Кубы к кубинскому руководству, которое приняло решение оказать военную поддержку Алжиру. Дополнительно туда были направлены два судна: «Gonzales Lines», прибывшее в Оран 28 октября и второе судно, прибывшее 29 октября. В Алжир были доставлены 22 танка с системами ночного видения, артиллерийские орудия, боевое снаряжение^[21]. Переброска кубинского

[14] Gleijeses, P. Cuba's First... P. 159

[15] Discurso pronunciado por el Comandante Fidel Castro Ruz, primer secretario de la Direccion Nacional De LAS ORI y primer ministro del Gobierno Revolucionario, en la apertura del Instituto de Ciencias Basicas y Preclinicas "Victoria De Giron" en Marianao, el 17 de Octubre de 1962. — Departamento de Versiones Taquigraficas del Gobierno Revolucionario, 1962. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1962/esp/171062e.html> (дата обращения 29.05.2020)

[16] Aka, P.C. Fidel Castro... P. 53

[17] Платошкин Н.Н. Че Гевара // М.: Молодая гвардия, 2017. С. 539

[18] Там же.

[19] Там же. С. 564

[20] Durch, W.J. Revolution from... P. 4

[21] Ibid.

военного контингента в Алжир и подготовка кубинскими специалистами алжирских военных получила общее название «Операция Достоинство» (*Operación Dignidad*).

Численность общего кубинского контингента в Алжире на тот момент достигла ориентировочно 1000 военных, среди которых было около 400 — танкистов^[22]. Часть из них прибыла на кораблях, часть — специальными рейсами кубинской авиакомпании *Cubana de Aviación*. Возглавлял данный контингент Эфихенио Амихейрас. 28 октября находившийся на передовых позициях танковый батальон М. Гонсалеса был готов принять участие в боевых действиях^[23]. На наш взгляд, поддержка со стороны кубинского контингента значительно укрепила алжирские позиции, так как, за исключением кубинских танков, армия Алжира почти не располагала бронетехникой, в то время как на вооружении у марокканцев было значительное количество танков советского производства. Однако, в связи с завершением военного конфликта 29 октября после переговоров А. Бен Беллы и марокканского короля Хасана II, кубинские военные в боевых действиях участия не принимали. В дальнейшем они выполняли свою первоначальную задачу по обучению алжирских военных. К марту, большая часть кубинских специалистов, передав военную технику армии, покинула Алжир. За короткий период ими было подготовлено 926 алжирских военных специалистов^[24].

Представляется важным указать, что поставка вооружений и направление военного контингента в Алжир не было согласовано с советским руководством. Направленное вооружение закупалось у СССР для РВС Кубы^[25]. Данный аспект даёт возможность утверждать, что, начиная с самого раннего этапа после

революции, Куба действовала в соответствии со своими идеологическими императивами и национальными интересами, а не «по указке СССР и соцблока». Другая особенность политики Кубы в отношении Алжира выражалась в отсутствии насаждения своих идеологических установок в процессе оказания помощи. К примеру, Р. Кастро, главнокомандующий РВС, инструктируя отправляющихся в Алжир военных, призывал их с уважением относиться к религиозным и культурным традициям Алжира, не превозносить успехи революции на Кубе и кубинскую идеологию, но активно участвовать в помощи Алжиру^[26].

После того как срок работы первой медицинской миссии подошёл к концу, в июне 1964 г. в Алжир была направлена вторая. В ней приняли участие 24 врача, 4 стоматолога, 24 медсестры, 9 медицинских работников, всего 61 специалист^[27].

Продолжались контакты и на уровне руководства двух стран. В октябре 1964 г. Алжир с официальным визитом посетил президент Кубы Освальдо Дортикос. А 9 декабря 1964 г. в Алжир прибыл Че Гевара и провел короткую получасовую встречу с лидером Алжира А. Бен Беллой. Вскоре он вернулся в Алжир в феврале 1965 г. перед тем, как отправиться в Конго. 25 февраля он принял участие в работе Второго экономического семинара афро-азиатских стран. В рамках своего выступления на нём он призвал^[28] к оказанию как военной, так и экономической поддержки национально-освободительных движений и развивающихся стран, необходимости международной солидарности.

Ключевым событием, повлиявшим на развитие кубино-алжирских отношений, стал военный переворот в Алжире, про-

[22] Ibid.

[23] Gleijeses, P. *Cuba's First...* P. 179

[24] Ibid. P. 182

[25] Корольков, А.В. Становление кубинского... С. 89

[26] Vasconcelos, L.E. *Cooperação Internacional...* P. 156

[27] Aka, P.C. *Fidel Castro...* P. 53

[28] Carmen Ariet, M. *Che Guevara y los desafíos de un discurso controversial, 45 años después* – Cubadebate, 2010. URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2010/02/24/discurso-controversial-del-che-45-anos-despues/#.XtKYOMBoTIU> (дата обращения 29.05.2020)

изошедший 19 июня 1965 г. А. Бен Белла был отстранён от власти, он и его сторонники были заключены под стражу. Власть была сосредоточена в руках Х. Бумедьена, возглавившего Революционный совет. Ф. Кастро выступил с осуждением захвата власти^[29], указывая на контрреволюционную сущность данного переворота. В качестве ответного шага, алжирское руководство закрыло отделение кубинского информационного агентства «Prensa Latina» в Алжире.

Однако данные негативные меры не были причиной значительного сокращения кубино-алжирского сотрудничества. Основным фактором, повлиявшим на ухудшение кубино-алжирских отношений, стали изменения, которые произошли во внутренней и внешней политике Алжира с приходом к власти Х. Бумедьена. Прежде всего, во внутренней политике Алжира стали преобладать тенденции к укреплению национализма. Так, во-первых, произошла чистка ФНО от сторонников Бен Беллы и, в целом, левого крыла движения^[30]. Во-вторых, в идеологической сфере было провозглашено «возвращение к истокам», под которыми подразумевались «арабские и исламские ценности»^[31]. Основным направлением внешней политики Алжира стал регион Ближнего Востока^[32], включая вовлечение в арабо-израильский конфликт, развитие сотрудничества с Ливией и Южным Йеменом, конкуренцию с Египтом.

Данные изменения вступали в противоречие с приоритетами кубинской внутренней и внешней политики. После провозглашения социалистического характера кубинской революции в 1961 г. был обозначен курс на строительство социалистического общества, в котором преобладают ценности интернационализма, а не национализма. В сфере внешней политики основным направлением для Кубы оставалась Африка, а не Ближний Восток, что

подтверждает поддержка Кубой национально-освободительных движений, прежде всего, в португальских колониях.

Произошедшие изменения обусловили сокращение сотрудничества двух стран. С 1965 г. объёмы помощи Алжиру были уменьшены, а взаимодействие в военной сфере и вовсе прекратилось. Удаётся найти лишь подтверждения сохранения экономического и гуманитарного сотрудничества между странами в период после 1965 г. Так, к примеру, в 1979 г. была учреждена двусторонняя комиссия по экономическому сотрудничеству. В соответствии с данными отчёта ЦРУ, на момент 1984 г. в Алжире находилось 275 кубинских технических специалистов.

В заключение, необходимо отметить ряд ключевых особенностей эволюции кубино-алжирских отношений. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что двусторонние отношения Кубы и Алжира выстраивались изначально на принципах интернационализма и солидарности национально-освободительных движений. Обе страны выражали поддержку друг другу, несмотря на риск ухудшения отношений с Францией и США соответственно. Не было значительным и влияния стран соцблока на развитие данных отношений, что подтверждается и поставкой Кубы Алжиру советского оружия без согласования с СССР, а также невмешательством соцблока в алжиро-марокканский конфликт. Отношения Кубы и Алжира развивались динамично и постепенно и приобрели стратегический характер, т.е. развивались в таких чувствительных сферах, как подготовка вооружённых сил и сотрудничество по линии спецслужб. Куба поставляла оружие ФНО, после этого направила медицинскую, а потом и военную миссию. Возможно, в случае, если бы Алжиру удалось избежать переворота 1965 г. сотрудничество бы расширилось и в дальнейшем.

[29] Gleijeses, P. Cuba's First... P. 190

[30] Ланда, Р.Г. История... С. 160

[31] Там же. С. 163

[32] Allouche Y. Algeria and Cuba allied by a shared revolutionary struggle// The New Arab, October 2016. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/comment/2016/10/28/algeria-and-cuba-allied-by-a-shared-revolutionary-struggle> (дата обращения 29.05.2020)

Однако в условиях смены власти в Алжире и изменений во внутренней и внешней политике страны, в отношениях двух государств появились противоречия. Произошло сокращение двустороннего взаимодействия до уровня экономического и гуманитарного сотрудничества, не затрагивавшего военную сферу и совместные операции спецслужб.

Нельзя не подчеркнуть, что для Кубы сотрудничество с Алжиром стало неоценимым опытом и моделью, по которой впоследствии будут выстраиваться отношения Кубы с другими национально-освободительными дви-

жениями в Африке. В дальнейшем, отношения Кубы с Анголой, Мозамбиком, Эфиопией выстраивались на основе помощи Кубы в гуманитарной и военной сфере, отправкой кубинских военных для подготовки вооружённых сил указанных стран и непосредственного участия в боевых действиях.

Отметим, что память о поддержке Кубы национально-освободительной борьбы в Алжире сохранилась и была подтверждена тем фактом, что по случаю смерти Ф. Кастро в Алжире был объявлен восьмидневный траур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастро, Ф., Рамоне, И. Фидель Кастро. Моя жизнь. Биография на два голоса — М.: РИПОЛ Классик, 2009. 784 с.
2. Корольков, А.В. Становление кубинского интернационализма (1959-1979) / Вестник Московского университета. Серия 8. История — 2010. — №4. С. 85-100
3. Ланда, Р.Г. Ахмед Бен Белла — Российский совет по международным делам, 2016. — 22 с.
4. Ланда, Р.Г. История Алжира. XX век — М.: Институт востоковедения РАН, 1999. — 308 с.
5. Платошкин Н.Н. Че Гевара — М.: Молодая гвардия, 2017. 701 с.
6. Aka, P.C. Fidel Castro and Socioeconomic Human Rights in Africa: a Multi-Level Analysis / Fordham International Law Journal — 2019. Vol. 43. P. 41-78
7. Allouche Y. Algeria and Cuba allied by a shared revolutionary struggle — The New Arab, October 2016. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/comment/2016/10/28/algeria-and-cuba-allied-by-a-shared-revolutionary-struggle> (дата обращения 29.05.2020)
8. Capote, R.A. Something special unites us with Algeria. — URL: <http://en.granma.cu/mundo/2019-02-18/something-special-unites-us-with-algeria> (дата обращения 29.05.2020)
9. Carmen Ariet, M. Che Guevara y los desafíos de un discurso controversial, 45 años después — Cubadebate, 2010. URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2010/02/24/discurso-controversial-del-che-45-anos-despues/#.XtKYOMBoTIU> (дата обращения 29.05.2020)
10. Castro's Reach Into The Third World: The Cuban Economic Assistance Program — CIA, Directorate of Intelligence, May 1985. P.
11. De Vos, P., De Ceukelaire, W., Bonet, M., Van der Stuyft, P. Cuba's International Cooperation in Health: An Overview / International Journal of Health Services — February 2017. — P. 761-776
12. Discurso pronunciado por el Comandante Fidel Castro Ruz, primer secretario de la Direccion Nacional De LAS ORI y primer ministro del Gobierno Revolucionario, en la apertura del Instituto de Ciencias Basicas y Preclinicas "Victoria De Giron", en Marianao, el 17 de Octubre de 1962. — Departamento de Versiones Taquigraficas del Gobierno Revolucionario, 1962. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1962/esp/f171062e.html> (дата обращения 29.05.2020)
13. Dr. Fidel Castro Denounces Imperialism and Colonialism at the United Naciones — LANIC, September 1960. URL: <http://lanic.utexas.edu/project/castro/db/1960/19600926.html> (дата обращения 29.05.2020)
14. Durch, W.J. Revolution from a F.A.R.: the Cuban Armed Forces in Africa and the Middle East — Center for Naval Analysis, 1977. 19 P.

15. Gleijeses, P. Cuba's First Venture in Africa: Algeria, 1961-1965 / *Journal of Latin American Studies* – 1996. Vol. 28, № 1. — P. 159-195
16. Vasconcelos, L.E. *Cooperação Internacional como (Re)Existência em Cuba – Dissertação para obtenção do Título de Mestre em Relações Internacionais.* — Universidade Federal da Bahia, 2016. 205 P.

REFERENCES

1. Castro, F., Ramone, I. *Fidel Castro. My Life. Biography a due voci* – Moscow, RIPOL Classic, 2009. 784 P.
2. Korolkov, V.A. Establishment of Cuban Internationalism (1959-1979) / *Herald of Moscow University. Topical 8. History* – 2010, №4. P. 85-100
3. Landa, R.G. *Ahmed Ben Bella – Russian Council on Foreign Relations*, 2016. – 22 P.
4. Landa, R.G. *History of Algeria. XX century* — Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 1999. – 308 P.
5. Platoshkin N.N. *Che Guevara* – Moscow, Young Guards, 2017. 701 P.
6. Aka, P.C. Fidel Castro and Socioeconomic Human Rights in Africa: a Multi-Level Analysis / *Fordham International Law Journal* – 2019. Vol. 43. P. 41-78
7. Allouche Y. Algeria and Cuba allied by a shared revolutionary struggle — *The New Arab*, October 2016. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/comment/2016/10/28/algeria-and-cuba-allied-by-a-shared-revolutionary-struggle> (дата обращения 29.05.2020)
8. Capote, R.A. Something special unites us with Algeria. – URL: <http://en.granma.cu/mundo/2019-02-18/something-special-unites-us-with-algeria> (дата обращения 29.05.2020)
9. Carmen Ariet, M. Che Guevara y los desafíos de un discurso controversial, 45 años después – *Cubadebate*, 2010. URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2010/02/24/discurso-controversial-del-che-45-anos-despues/#.XtKYOMBoTIU> (дата обращения 29.05.2020)
10. *Castro's Reach Into The Third World: The Cuban Economic Assistance Program* – CIA, Directorate of Intelligence, May 1985. P.
11. De Vos, P., De Ceukelaire, W., Bonet, M., Van der Stuyft, P. Cuba's International Cooperation in Health: An Overview / *International Journal of Health Services* – February 2017. – P. 761-776
12. Discurso pronunciado por el Comandante Fidel Castro Ruz, primer secretario de la Direccion Nacional De LAS ORI y primer ministro del Gobierno Revolucionario, en la apertura del Instituto de Ciencias Basicas y Preclinicas "Victoria De Giron", en Marianao, el 17 de Octubre de 1962. — *Departamento de Versiones Taquigraficas del Gobierno Revolucionario*, 1962. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1962/esp/f171062e.html> (дата обращения 29.05.2020)
13. Dr. Fidel Castro Denounces Imperialism and Colonialism at the United Naciones – LANIC, September 1960. URL: <http://lanic.utexas.edu/project/castro/db/1960/19600926.html> (дата обращения 29.05.2020)
14. Durch, W.J. *Revolution from a F.A.R.: the Cuban Armed Forces in Africa and the Middle East* – Center for Naval Analysis, 1977. 19 P.
15. Gleijeses, P. Cuba's First Venture in Africa: Algeria, 1961-1965 / *Journal of Latin American Studies* – 1996. Vol. 28, № 1. — P. 159-195
16. Vasconcelos, L.E. *Cooperação Internacional como (Re)Existência em Cuba – Dissertação para obtenção do Título de Mestre em Relações Internacionais.* — Universidade Federal da Bahia, 2016. 205 P.

